

Вячеславъ Ивановъ.

Андрея Бѣлаго.

I.

Творенія Вячеслава Иванова стали предъ нами труднѣйшимъ, мудрѣйшимъ, „крутѣйшимъ“ экстрактомъ культуры не оттого, что облекъ онъ заданія свои въ утонченныя сложныя формы, а оттого, что обиліе граней его, изъ которыхъ отдѣльная грань представляетъ собой красоту простоты,—волятъ встать передъ нами въ одновременномъ охватѣ; теряемся мы; нѣтъ активности въ насъ и нѣтъ воли вниманія къ странному міру его, гдѣ огромность перспективъ сочетается съ тщательнымъ совершенствомъ деталей; парить въ облакахъ мы привыкли; привыкли разсматривать въ лупу деталь; ни видѣть деталей пареній, ни воспарять сквозь детали еще не умѣемъ.

Его книги проходятъ предъ взоромъ величіемъ замысла, покрываемаго инкрустаціей мелкой работы, напоминая слоновъ изукрашенныхъ золототканными пологами и влекущихъ увѣсистый шагъ своихъ ритмовъ по инкрустаціямъ словъ; сытый роскошью, данной отъ Бога ему похищаетъ, какъ Танталъ на пирѣ боговъ, свои образы онъ; мы же, критики, уподобляясь Иксіону и Сизифу, то крутимся въ вихрѣ его созерцаній, томясь этимъ вихремъ, то подымаемъ обиліе образовъ, точно тяжкій утесъ намъ упавшій на плечи.

Въ сочетаніяхъ многообразья даровъ съ неумѣніемъ ихъ возвести въ простоту совершенства вскрываетъ трагедію онъ александрійской культуры, непонятой нами; периферическое выраженье ея есть эклектика; бренный оползень „синтеза“, передъ нами разсыпанный щебнемъ изъ догмъ, поученій и сектъ, на протяженьи столѣтій скрываетъ онъ тайну истоковъ души, не сумѣвшей осуществить печать духа въ каркасахъ всесвѣтнаго синтеза и въ расщепахъ сознанія.

Въ Александріи вставала задача неописуемой сложности: выявить всеединаго духа—конкретно; „душевное“ взятіе Духа (разсудкомъ и чувствомъ) явило расщепъ. Между схемой и чувствен-

нымъ образомъ распятъ Александрiецъ, имѣвшiй видѣнiе на пути въ свой Дамаскъ о которомъ онъ намъ и не могъ внятно спѣть (по условiямъ философiи и мистики того времени): нужно было шестнадцать столѣтiй искать путей новаго Синтеза, чтобы съ новыми средствами мысли и чувства стоять передъ „тайною“ Александрiи, еще не разгаданной; въ ея разгадкѣ грядущее.

И поскольку мы взоръ устремляемъ въ грядущее, въ насъ развиваются и болѣзни „Александрiйскаго“ времени, какъ прообразы неизбѣжныхъ и „дѣтскихъ“ болѣзней духовнаго роста.

Тайна духа не вскрытаго въ произведенiяхъ Александрiйской культуры есть „покровенiе“. Откровенiя пятнами, образованными въ глазахъ при неосторожной попыткѣ взглянуть въ лицо солнца: пятна мрака на свѣтѣ—глазной катарактъ — есть явленiе временное и оно — неизбѣжно.

Вячеславъ Ивановъ — Александрiецъ XX вѣка не тамъ, гдѣ смакуетъ красоты античности онъ; Александрiецъ онъ тамъ, гдѣ въ заданiяхъ нашего времени видитъ онъ прорѣзы будущихъ чаянiй; говоря о ядрѣ его личности, мы должны говорить о его антиномiяхъ, неизбѣжныхъ несовершенствахъ и... срывахъ; легкокрылой гармонiи мы a priori не должны ожидать отъ него. Для себя избираетъ труднѣйшее онъ и его удѣлъ — смерть.

Говорить о его совершенствахъ, желать воскресенья безъ смерти ему мы не можемъ, мы слишкомъ серiозно относимся къ содержанiю духовныхъ трагическихъ даровъ имъ развитыхъ. Высшей хвалою ему можетъ быть лишь строжайшая критика; таково его творчество, что оно не вскрываемо въ нѣдрахъ своихъ безъ войны, объявляемой маскамъ его—„совершенству“ [1]) и „цѣльности“. Объективное изъясненiе путей Вячеслава Иванова — изъясненiе градацiи углубляемыхъ антиномiй; исходя въ антиномiяхъ, онъ умираетъ предъ нами, какъ только поэтъ или только философъ. Пересѣченiе поэта въ мудреца не достигнуто имъ: возможно въ грядущемъ оно, но... цѣною... трагедiи, почти катастрофы; драмой судьбы говорятъ его книги.

II.

Антиномiи нашего времени перекрещены въ Вячеславѣ Ивановѣ. Онъ являетъ собою столкновенье даровъ: мистикъ, лирикъ, филологъ, философъ, профессоръ, новаторъ, утонченный скептикъ— въ немъ спорятъ мозаикой, гдѣ отдѣльный камень есть даръ; сумма выглядитъ великолѣпною выставкою; многогранное творчество предстаетъ птицей — Сириномъ: „На суку извилистомъ и чудномъ пестрыхъ сказокъ пышная жилица, вся въ огнѣ, въ сiяньѣ изумрудномъ, надъ водой качается жаръ-птица“ (Фетъ).

[1]) Объявленiемъ „войны“ теоретику выполняю свой долгъ передъ „трагикомъ“ мною цѣнимымъ и вызвавшимъ собственный рокъ: умереть, чтобы... воскреснуть.

Собесѣдникъ, соединяющій проницательность съ добротой и способностью увлекаться всѣмъ яркимъ, — таковъ онъ въ общеніи; здѣсь „поэтъ" преломляетъ собой педантизмъ спеціалиста въ особую зоркую мягкость; въ филологѣ крѣпнетъ поэтъ; авторъ книги, написанной на изящной латыни, трактата о Діонисѣ, ученаго очерка „Эпосъ Гомера" въ годахъ расцвѣтаетъ поэтомъ, мыслителемъ и теоретикомъ русскаго символизма. Спеціалистъ спѣлъ поэму по многотомію словарей; придавая наукѣ оттѣнокъ фантазіи и создавая фантазіи остовъ изъ фактовъ, сумѣлъ сочетать онъ науку и миѳъ: и тенденція къ сочетанію выражаетъ основу души его, антиномичность его раскрывается въ уплотненьѣ миѳическихъ крылій до исторической были.

Сочетаніе миѳа науки съ научной основой фантазіи, вписанной въ насъ, вылагается въ немъ многоцвѣтной мозаикой, изъ которой намъ сложены великолѣпія его умственныхъ и душевныхъ картинъ; Вячеславъ Ивановъ проникнутъ дыханіемъ пресыщенной Александрійской культуры; Муза—„Сказокъ... жилица"—въ о г н ѣ [1]), пробѣгающемъ вихремъ образовъ: о г н е зрящіе, о г н е ружные легіоны духовъ въ о г н е струяхъ летятъ, о г н е носицы жены и о г н е носцы на о г н е носныхъ коняхъ низвергаютъ с т о п л а м е н н о с т ь о г н е вѣчныхъ пожаровъ, несясь о г н е окими, о г н е вержными водопадами мимо [2]). Коверъ его Музы изотканъ обличьемъ огней—Гераклитовыхъ, или... Логе?

Ни того, ни другого: огней самоцвѣтныхъ каменьевъ.

Пейзажъ Вячеслава Иванова есть мозаика изъ прозрачныхъ и непрозрачныхъ кристалловъ: граненіе, разгражденіе, преломленіе блещущихъ хладно-каменныхъ граней встрѣчаетъ насъ въ ней; Вячеславъ Ивановъ сопутствуетъ всюду своей тяжкогранной природѣ: онъ пишетъ въ стихахъ философію драгоцѣнныхъ камней [3]), преломленій и отношенія свѣточей къ краскамъ (напоминая намъ Гете) [4]), гдѣ жизнь только радуга [5]), порожденная солнцемъ [6]) гдѣ „я" раздробляется спектрами двойниковъ всеединаго „я". „Гдѣ я, гдѣ я—по себѣ я возалкалъ: Я — на днѣ своихъ зеркалъ" [7]); соединеніе преломленій — Ѳаворъ: вознесеніе „я" въ сферу свѣта [8]). Откликнулся онъ контрапункту идей контрапунктами призматическихъ свѣточей; вложена точность фантазіи въ блески, и мысль, какъ алмазъ, охраняетъ ее; вся „Прозрачность" — нѣжнѣйшая лирика мысли: и — „диссертація въ образахъ", истощившая точность и движимая въ

---

[1]) Курсивъ всюду мой. А. Б.

[2]) Словарь „Кормчихъ Звѣздъ" и „Прозрачности".

[3]) См. „Прозрачность". Вторая книга лирики.

[4]) Idem.

[5]) Idem, стр. 5.

[6]) Idem, стр. 100.

[7]) Idem, стр. 11.

[8]) Idem, стр. 123.

обобщеньяхъ стихіей; перемѣщенье природы фантазіи въ мысль (и обратно)—трагедія Лиро-научныхъ поэмъ.

Пейзажъ, соотвѣтствуя мысли, построенъ закономъ эстетики, извлекаемымъ изъ созерцанія геометрическихъ формъ, гдѣ спинозовскій Богъ разграждаетъ міры [1]) и скульптуритъ холмы, высѣкая въ нихъ рощи изъ камня [3]), вершина горы—„грань" алмаза [2]), и лилія—бѣлая, какъ... асбестъ [4]); иконостасный закатъ изливается заревомъ „цареградской мозаики" [5]) и „гранями сапфира огранена земля" [6]); и выложенъ куполъ небесный просвѣтнымъ кристалломъ" [7]); небесный пожаръ ясногранно горитъ адамитовымъ камнемъ [8]) и синимъ сапфиромъ [9]), слагающимъ: тяжеловѣсную храмину; и она—огнестолпна [10]).

Такъ что блескъ этой „храмины" есть пожаръ цареградской мозаики изъ адамантовъ и яхонтовъ; не Гераклитовы вихри огней здѣсь летятъ, а стоятъ на столбахъ мозаичныхъ недвижныя огненосицы, не могущія тронуться, не разсыпавшись въ тяжеловѣсную горсть благородныхъ, холодныхъ, блестящихъ стекляшекъ.

III.

Многоцвѣтны личины поэта-филолога—мистика—полиглотта—ритмиста; валы за валами бьютъ пѣснями; пѣснь валовъ перекидывается въ чужія нарѣчія; и Вячеславъ Ивановъ садится писать: по нѣмецки [11]), латыни [12]), по гречески [13]); тѣсно ему въ русскомъ метрѣ, обогащаетъ поэзію ритмомъ Алкея и Сафо, размѣрами хоровъ, ямбическимъ триметромъ [15]) старо романскими пѣснями [14]), создавая капризы свои (шестистопный терцинъ) [16]), сонетъ въ діаметрѣ и восьмистопный хорей; то онъ мчится галопами на восьмистопномъ хореѣ, то—длитъ ходы ямба, пресыщая спондеями до... Молоссовъ, и создавая въ Анапестѣ—Кретики.

---

1) „Кормчія Звѣзды". Первая книга стиховъ. Стр. 100.
2) „К. З."
3) „Нѣжная тайна", стр. 101.
4) „Cor Ardens", I ч., стр. 64.
5) „Ibid" 1 ч. стр. 79.
6) „Нѣжная тайна", стр. 54.
7) „Cor Ardens", I ч., стр. 61.
8) „Н. Т."
9) Cor Ardens, I ч.
10) Idem, стр. 24.
11) Idem.
12) „Н. Т."
13) Cor Ardens.
14) Размѣръ Алкея и Сафо см. „Кормчія Звѣзды"; и „Прозрач."; хоровые размѣры см. драма „Танталъ" Сѣв. цвѣты IV, сборникъ К-ва Скорпіонъ, 1904.
15) „Cor Ardens", II ч., стр. 12—15, 46—47, 105—109, 146, 147, 149 и т. д.
16) Cor Ardens. 1 ч.

Многіе, прочитавъ „сны строки“, соглашаются съ ними, и откланяя капризы ритмической гастрономіи, восклицаютъ другіе: „Переходятъ радужныя краски, раздражая око свѣтомъ ложнымъ“; тѣ и эти — неправы.

Онъ—поэтъ словарей, поэтическій сонъ въ немъ—иллюзія; но иллюзія—сухость; у преддверія легконогой науки становимся мы, гдѣ и методъ — ритмиченъ, и миѳы суть гнозисы. Онъ въ прогнозахъ согрѣтъ теплотой невосшедшей зари, отказавшись отъ прошлой гармоніи отвлеченной науки и легкокрылой поэзіи; и трагедіей пропечатанъ его поэтическій и мыслительный ликъ: гдѣ онъ труденъ, какъ лирикъ, тамъ онъ углубленъ какъ трагикъ; и гдѣ миловиденъ, тамъ именно онъ всего ядовитѣй: слѣпитъ сладкій ядъ; и рой образовъ, освѣтленныхъ „Прозрачностью“, гаснетъ — до одной восьмой доли первоначальнаго свѣта [1]); и зрѣетъ въ глазу катарактъ въ аллегоріяхъ горельефной гирлянды золотощекихъ амуровъ барокко, сплетенный съ небесными духами Style jesuite. [2]) гдѣ всѣ розы — розетки, которыя онъ считаетъ за образы тайнъ; между тѣмъ: самонаблюденіе воспаленнаго и налитаго кровью зрачка—это все.

Поводырь слѣпца-лирика, Вячеславъ Ивановъ профессоръ—въ сопровожденіи Ницше и главнымъ образомъ Роде теперь зажигаетъ пожары идей о крушеньѣ „келейныхъ“ культуръ.

Соединить мысли Ницше съ ученіемъ Августина — нельзя; общины христіанъ, каннибаловъ и мистовъ — несогласуемы вовсе; такъ вступивши на путь, по которому шелъ Манесъ, онъ срывается тотчасъ же, эсотерическій мистикъ; онъ топитъ въ себѣ геніальнаго теоретика символизма и зоркаго критика (вмѣстѣ съ Вагнеромъ — нѣмецъ, французъ — съ Маллармэ, англичанинъ — въ умѣніи пересказывать Байрона).

IV.

Истина есть конкретность, разломы ея въ „всеобъятіи“—абстрагизмъ; сенсуальность—естественное дополненье абстракціи; недостаточный спеціалистъ въ философіи, чтобы быть новымъ Гегелемъ, недостаточно измѣнившій себя въ послушаніи (какъ того онъ потребовалъ отъ Ѳеурга) — являетъ quaternio terminorum красою размаха; да, драма „Сократика“ — въ немъ. Въ танцѣ образовъ, снявшихся съ мѣстъ, что-то силится видѣть „Сократикъ“; и видитъ — пятно изъ лучей, обусловленное приливами крови; его уплотняетъ онъ заревомъ цареградской мозаики.

Неописуемая по глубинѣ и розмаху трагедія аномалія передовыхъ пѣвцовъ мысли: предъ колыбелью рожденія въ нихъ ихъ ис-

---

[1]) Отношеніе свѣта къ мраку равно 4 въ „Кормч. Зв.“ и $1/2$ въ „Нѣжн. Тайнѣ“.

[2]) „Слѣпы мы на красоту явленій“. Cor Ardens, I ч., стр. 112.

коннаго „я“ — поднимается образъ „сквернѣйшаго человѣка“ (это — „духъ земли“ Фауста).

Съ Вячеславомъ Ивановымъ, Фаустомъ нашего вѣка, у граней культуры, любуемся заревомъ цареградской мозаики мы, не понимая, что это—зарево пламени, охватившее ветхую „храмину“—тѣло, палимое молніей духа, упавшаго съ высей и породившаго въ чувствахъ — алчбу: „Твоя душа глухонѣмая въ дремучіе поникла сны, гдѣ бродятъ, заросли ломая, желаній темныхъ табуны“ [1]); въ сознаніи появляется „Вагнеръ“, (Вагнеръ „Фауста“ — „Вагнеръ“ въ Фаустѣ), алчба чувствъ — „духъ“ земли, непрочитанный духомъ[2]) но — тѣломъ; а непрочитанный Вагнеръ — предтеча... явленія Мефистофеля: „Съ Протеемъ будь Протей, вторь каждой маскѣ — маской“, то есть, стой передъ нами не нищій, а весь увѣшанный „солнцами“ [3]) изрѣченій и золотыхъ пентаграммъ, уподобляяся Фаусту въ монологѣ о томъ, что философія утомила его [1]); духъ земли, появившись на зовы его ужасаетъ, и покидая, бросаетъ „Du gleichst dem Geist, den du begreifst“... Входитъ — „Вагнеръ“: въ халатѣ, въ ночномъ колпакѣ.

Вячеславу Иванову принадлежитъ драма „Танталъ“ и въ ней повѣствуется о страданіяхъ богоборца, повѣшеннаго въ безысходныхъ пустотахъ съ потухшею сферой въ рукахъ; намъ Ивановъ являетъ потухшую сферу огромнаго солнца, которое въ состояніи было бы освѣтить... горизонты грядущей культуры.

V.

Душа возлежитъ въ саркофагѣ изъ тѣла, какъ мумія, оглашающая ночь квадратнаго мрака рѣченіемъ текстовъ, изсѣченныхъ здѣсь; надъ квадратною комнатой—міровой пустотой—взлетѣли массивы камней милліонно пудовою грудою: то — пирамида; она — наше тѣло, внутри — „пустота“ (или — тѣло стихій); „пустота“ отдѣляетъ отъ стѣнокъ массивъ саркофага, выбитаго молоткомъ эгоизма плѣнившаго душу; душа—это мумія; въ ночи ей положили папирусъ—повѣствованіе о путешествіяхъ, „Книгу Мертвыхъ“.

Перспектива космическихъ и историческихъ мыслей Иванова есть „пирамида“, таящая „Саркофагъ“, или—„Тантала“, брошеннаго посрединѣ пространства квадратнаго мрака... въ эгоистической „самости“ и пирамида стоитъ передъ нами, какъ... каменный бредъ.

Одинъ молодой египтологъ замѣтилъ: надгробные тексты, пе-

---

[1]) Cor Ardens, стр. 195.

[2]) „И душа, какъ Сомнамбула, шла въ полуснѣ... И свѣточъ тухъ“... „Все — только звукъ, только зовъ, мощь безъ выхода, воля въ неволѣ... Или: „вседневная измѣна, вседневный новый станъ: безвыходнаго плѣна, безвыходный обманъ“, Cor Ardens, I ч. стр. 104, 114... „Прозр.“ стр. 90, сюда же о „Слѣпотѣ“. Cor Ardens, I ч. стр. 112, 122, 118, 143, 191, 99 и т. д.

[3]) Idem.

релетая со стѣнокъ гробницы на саркофагъ непосредственно, обнимаютъ массивы его въ человѣкоподобную форму и высѣкаютъ въ космическихъ, іероглифическихъ надписяхъ постепенно проявленный человѣческій смыслъ.

„Пирамидою" выперты въ насъ наши органы тѣла въ космическихъ бредахъ пространства; ощущенія „самости" въ насъ—„саркофагъ", заключающій мумію; посрединѣ пустого квадратнаго мрака стоитъ эта самость; она и есть „Танталъ", повѣшенный въ міровой пустотѣ, ограниченной блещущимъ „Зодіакомъ" (тѣлеснымъ составомъ); мумія саркофага есть „Фаустъ" (изъ сцены съ лемурами); по просверленнымъ корридорамъ—„артеріямъ" кровеносной системы—топочутъ Лемуры въ квадратную комнату: въ грудь; и подступивъ къ „саркофагу"—пробившему „самостно" сердцу—они голосятъ: „Кто это построилъ... такой скверный домъ?" Мефистофель командуетъ ими: „Сторожите же, толстобрюхіе, въ нижнихъ областяхъ тѣла"... Лемуры стоятъ: сторожатъ Вячеслава Иванова, обступивъ его „сердце" и снявъ съ него крышку; внутри „сухой муміи" (въ пустотѣ грудной клѣтки) почилъ синеватый „божокъ" (клали муміи въ ротъ его): „духъ", защищенный душой отъ кольца обступающихъ Лемуровъ. Надъ нимъ стали ангелы: „Часть персти... если бы даже была... изъ асбеста... Не было бы въ ней чистоты". Но „проясняются облачки... сонмъ блаженныхъ младенцевъ"... И ангелы возвѣщаютъ: „Радостно мы принимаемъ его—нынѣ въ состояніи куколки... Снимаемъ съ него пелены"... (окончаніе „Фауста").

— Совлечемъ же и мы постепенно съ Иванова-Фауста пологи мыслей, играющихъ ритмами самоблещущей метрики; мы услышимъ нѣжнѣйшіе лепеты дѣтскаго недоумѣннаго духа: „Нищъ и свѣтелъ, прохожу я и пою, отдаю вамъ радость щедрую мою". Знаемъ: „раки" Озириса могутъ быть сброшены съ... Горуса, возстающаго изъ „потушенной сферы квадратнаго мрака.

Иванову въ будущемъ могутъ сказать:

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen [1]).

VI.

Вячеславъ Ивановъ, когда читалъ у себя на дому курсы лекцій о ритмѣ и метрѣ, вооруженный мѣлкомъ передъ черной доской, онъ—прекрасенъ, когда превращаетъ вопросы просодія въ міровыя картины, не разъ въ разговорѣ съ Ивановымъ я испыталъ ширину кругозора его.

Въ своеобразіи ритмики и словаря его пѣсенъ теряемся мы; за

---

[1]) Заключительная сцена I части „Фауста".

исключеніемъ нѣкоторыхъ несовершенныхъ попытокъ никто до него не осмѣлился писать метромъ древнихъ; онъ намъ доказалъ, что ямбическій периметръ присущъ духу русской поэзіи, онъ сплелъ намъ гирлянды канцонъ, вирилэ, сестинъ, рондо, сонетныхъ триптиховъ, вѣнковъ, въ гравированьѣ терцина [1]) онъ мастеръ; сонетъ у него очень частъ получая отчетливость и убѣдительность совершенства; ему удаются короткія формы размѣровъ съ измѣнными ритмами [2]), трехдольники чужды [3]): онъ ихъ избѣгаетъ. Отчетливо помню я слово его объ условіяхъ техники, выражающихъ гіератику строчки; къ гіератизму стремятся его величавые ямбы, богатые правильнымъ „метромъ спондеемъ" [4]) и хоріамбомъ [5]). Съ обильемъ тоновъ вторыхъ [6]) и съ изящнѣйшимъ употребленіемъ паузной формы [7]); тутъ близокъ онъ Тютчеву, опережая послѣдняго столкновеніемъ пэоновъ второго съ четвертымъ [8]), обычнаго у Ломоносова; въ близости къ Тютчеву сказывается почитаніе Вячеславомъ Ивановымъ Тютчева (этотъ нѣжный поэтъ проходилъ мимо насъ; и—остался неузнаннымъ); ритмы, сгоняя пэоны въ изысканности мелодіи [9]) пересѣкаютъ, гдѣ можно, мелодію строчками метра; его пятистопные ямбы перегоняютъ въ количествѣ диметръ (явленіе рѣдкое въ лирикѣ); шестистопный ямбъ—рѣдокъ.

Хорей удивителенъ тѣмъ, что смѣняетъ онъ темпъ отъ количе-

---

[1]) Въ отдѣлѣ „Любовь и смерть", напримѣръ, 50 сонетовъ: въ „Rosarium'ѣ"—17 въ „Cor Ardens", I. ч., 34, въ „Кормч. Звѣздѣ"—27; въ „Прозрачности"—19. Вяч. Ивановымъ написано до 160 сонетовъ.

[2]) Напримѣръ:

— ᴗ — ᴗ
ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ
ᴗ — ᴗ — ᴗ
— ᴗ ᴗ — ᴗ

„Кормч. Звѣзда", стр. 45.

или:

ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ
ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ
ᴗ — ᴗ —

„Кормч. Звѣзда", стр. 53.

[3]) „Кормч. Звѣзды". На 130 хореевъ и ямбовъ 4 трехдольника (2 анапеста, 2 амфибрахія), „Cor Ardens", I ч. На 138 хореевъ и ямбовъ 7 трехдольниковъ „Прозрачность" на 71 хореевъ и ямбовъ всего 6 трехдольника и т. д.

[4]) „Дай мнѣ любить все, что восторговъ плѣнныхъ" (— — ᴗ — — — ᴗ — ᴗ —) „Кормч. Звѣзды". Или „Пусть духъ распнетъ насъ" (— — ᴗ — —) „Корм. Звѣзды".

[5]) „Всѣхъ воскресеній колыбель". „Услышано". „Ты понесла." „Нѣжная Тайна". Стр. 21, 40, 41, и т. д.

[6]) Въ „Нѣжной Тайнѣ" въ стихотвореніяхъ „Блоку", „Ночь", „Парусъ", „Утесъ" „Совы", „Материнство", этотъ ходъ проходитъ 27 разъ.

[7]) Особенно изящно звучитъ у него форма паузы „c" въ „Нѣжной Тайнѣ". много формъ „d"; характерна паузная форма „a" на второй стопѣ его диметра. См. о паузныхъ формахъ мою книгу „Символизмъ"

[8]) Столкновеніе даетъ ходъ: ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ („Чудовищные монолиты"). См. „Нѣжная Тайна", стр. 28, 29, 40, 47.

[9]) „Благословенная въ женахъ, доколѣ мать не воспоила лежащаго Эммануила въ богопріемныхъ пеленахъ", даетъ мелодію: а) ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ — б) ᴗ — ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ и в) ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ г) ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ — и т. д.

ства стопъ: то прыгучъ и задоренъ онъ (въ диметрѣ), то величавъ (пятистопный хорей), то—летитъ тарантеллою, какъ хорей восьмистопный; послѣднимъ владѣетъ Ивановъ, предпочитая ему величавый хорей [1]), хореическій диметръ—слабѣе. Среди комбинацій гексаметра мною замѣчено до пяти комбинацій въ „Кормч. Звѣздахъ“ (стопъ двудольныхъ съ трехдольными) [2]); 32 комбинаціи мы находимъ въ гомеровской строфѣ; у Гесіода ихъ 28; у орѳиковъ 24; количество гексаметрическихъ формъ упадаетъ стремительно (до пяти) въ Александрійскій періодъ [3]); гексаметръ Иванова—александриченъ насквозь.

Ритмъ Иванова организованъ сознаніемъ утонченнаго мастера. Менѣе организованы риѳмы [4]); аллитераціи собраны къ первому звуку словесъ, выдающихъ искусственность звука и позволяющихъ безъ ущерба собирать со строки аллитераціонную корочку, какъ... рачью шейку; физіологія аллитераціоннаго перелива весьма не богата; у Пушкина, Блока она изливается въ ткани строки, переполняя собою все тѣло поэзіи, являя собой перепрыги, градаціи, переходы отъ группы къ иной смежной группѣ, какъ-то „пл-вл-рв-бт“ и т. д. Для Иванова характерны „Платона—Платаны“ (плтн-плтн) [5]), въ этомъ ихъ нарочитость; звучитъ ассонансъ не всегда, все же порой высѣкаетъ изящный граверъ утонченныя звучности: „Мощной мѣрѣ горныхъ хоровъ вторитъ откликъ“ [6]) параллелизмы сопутствуютъ строкамъ. Ивановъ съ мѣлкомъ передъ черной доской—сопровождаетъ себя, какъ поэта, подсматривая вдохновеніе звуками: таково его свойство: едва вдохновится „прозрачностью“—принимается: контрапунктировать слово „п р о з р а ч н о с т ь“ градаціей риѳмъ; вдохновитъ его „роза“—гирляндою „р о з ъ“ обовьетъ свои строчки [7]) подумаетъ о гіератикѣ строчки,—уже осыпаетъ страницами насъ гіератической лирики.

Сплетая фантазію съ мыслью, являетъ онъ даръ; это свойство его порождаетъ шедевры изящества; инкрустація строкъ оживаетъ... растительной тканью въ строфѣ: „Ты все стремленье, трепетъ страстный, пѣвучій блескъ, глубинный звонъ, восторга вихорь само-

---

[1]) Имъ написано въ „Кормч. Звѣздахъ“ до 23 стихотвореній.

[2]) Вотъ эти формы: а) DDDSDS б) DSDDDS в) SDSDDS г) DDSDDSS д) DD DDDS.

[3]) См. Изслѣдованіе проф. Новосадкаго „Объ орѳическихъ гимнахъ“.

[4]) Хотя и тутъ мы встрѣчаемъ примѣры изысканности. „Неводахъ—на водахъ“, „Опечалены—челны“, „Повызвѣстить—вывѣстить“. „Нѣжная Тайна“, стр. 17.

[5]) Примѣры аллитераціи: „Скользкій склепъ“ (ск-ск-ск) „встаетъ вратами валъ“ (в-в-в), „въ срамѣ крови, въ смрадѣ пепла“ (срм.-срм) и т. д. Сюда см. „Cor Ardens“. I ч. стр. 38, 62, 43, 109, 196, 38, 62, 63, 40, 41, 42, 44, 49, 50, 63, 64, 78, 111, 121, 150 и т. д. „Прозрачность“ стр. 24, 117, 52, 123, 130; „Корм. Звѣзды“, стр. 54, 57, 108, 47, 48, 60, 68, 71, 72, 85, 99 и т. д.

[6]) „Корм. Звѣзды“ стр. 123. Здѣсь: а) м-м, б) р-р-р-р. в) о-е-о-о-о-о, г) ор-ор-ор, д) то-от.

[7]) На двадцати страницахъ „Rosarium'а“, повторяетъ 115 разъ слово „роза“. См. „Cor Ardens“. II ч. Rosarium, стр. 87—124.

властный, порыва полоненный сонъ" [2]). Всѣ газэлы его верхъ изящества; напримѣръ, „Левъ, Ангелъ Абессиніи въ тройномъ вѣнцѣ изъ розъ. Зардѣли своды синіе въ тройномъ вѣнцѣ изъ розъ. На дикой гривѣ вздыбленной, почилъ Господенъ крестъ, какъ жезлъ, процвѣтшій въ скиніи, въ тройномъ вѣнцѣ изъ розъ" и д. д. Кокетливо спрятали риѳмы изысканность окончанія—посерединѣ строки.

Онъ порой создаетъ и „гротески", какъ и „сирины" звуковъ его, излетаютъ изъ тѣхъ же заданій они: изъ заданія сочетать гранный методъ съ безгранностью миѳа; что многимъ вмѣнится въ вину, то ему—сходитъ съ рукъ, потому что искусственность Вячеслава Иванова—непосредственна въ немъ; истекаетъ онъ изъ его души вѣяньемъ сказки; и сонъ—„Словарь Даля".

Двѣ линіи расходящихся пѣсенъ текутъ изъ души, перекинутой межъ двумя берегами сознанія; одна течетъ... къ Тютчеву; къ Третьяковскому упадаетъ другая [1]).

[2]) „Прозрачность", стр. 56. Сюда же, напримѣръ, „Душа, когда ея краса исполнитъ солнечная сила, глубокій полдень затая, не знаетъ дѣйственнаго пыла". „Прозрачность", стр. 58.

[1]) Вотъ удачнѣйшія стихотворенія „Корм. Звѣзды": „Невѣломому Богу", стр. 46—50. Много внутреннихъ риѳмъ. Отдѣлъ „Въ челнѣ по морю", стр. 149—154. Великолѣпны здѣсь образы моря. „Зарница" стр. 73, „Подъ древомъ кипариснымъ" стр. 75, „Терпандръ", стр. 115, „Дни недѣли" стр. 119, „Богиня", стр. 137, „Чудесны великолѣпныя кумы", стр. 113, хорошъ весь отдѣлъ „Thalassia" изобилующій водой. Въ „Кормчихъ Звѣздахъ" великолѣпны всѣ образы поздняго благополучнаго эллинства исполненнаго эпикурейскимъ спокойствіемъ.

Къ удачнѣйшимъ стихотвореніямъ „Прозрачности" слѣдуетъ отнести „Хмель", стр. 37, „Дріады", стр. 23, „Долина—храмъ", стр. 8, „Душа сумерокъ", стр. 9, „Ганимедъ" стр. 137 и „Орфей". Послѣдніе два отдѣла принадлежатъ едва ли не къ лучшимъ созданіямъ Вяч. Иванова. Стихотворенія эти приподымаютъ завѣсу надъ тайною души эллина. Прелестна дикая „Bethoveniana", прелестно, какъ вздохъ вѣтерка стихотвореніе „Дафнисъ и Хлоя": здѣсь дана ковка лучей солнца лѣтнимъ полуднемъ и т. д.

Къ прекраснымъ стихотвореніямъ „Cor Ardens" I части относимъ мы: „Весенняя оттепель", стр. 119, „Ливень", стр. 120, „Осень", стр. 120, „Терцины къ Сомову", вызывающіе образы Ватто и передающіе „сомовское" отношеніе къ міру съ большей рельефностью, нежели самыя картины Сомова, стр. 140, „Палатка Гафиза"—эпикурейство, изысканная помѣсь изъ арабскаго стиля и XVIII столѣтія, забавляющагося разсказами о „восточной нѣгѣ", стр. 159, „Менада" стр. 7; во второй части „Cor Ardens" рекомендую вниманію „Газэлы о розѣ", стр. 93—97, уснащенныя всѣми великолѣпіями персидскаго орнамента и распускающія передъ нами свои „павлиньи хвосты"; подлинная красота „Газэлъ" не мистика ихъ, а Style oriental; далѣе „Turris Eburnea", стр. 172, „Бельтъ", стр. 179—181 (едва Вяч. Ивановъ коснется моря, какъ въ немъ слышится размахъ крупнаго лирика!). Поэма „Ѳеофилъ и Марія", сомнительная по темѣ, великолѣпна по красочности и прозрачности пейзажа.

Хороши въ „Нѣжной Тайнѣ", „Troemion", „Блоку", „Предгорье", „Нѣжная Тайна", „Библіофилу" и т. д., стр. 10—13, 16, 52, 79, и т. д. Вполнѣ неудачны („гротески") въ „Кормч. Звѣздахъ": „Земля", „Зеркало чаянія", „Себя забывшіе", „Вожатый" „Врата" и т. д. стр. 67, 87, 89, 99, 295—302. Въ „Прозрачности": „Крестъ зла", „Возрѣвшіе", „Ященку" и т. д. Въ „Cor Ardens" I ч.: „Assai palpitasti", „Солнце-двойникъ", „Язвы" гвоздиныя", стр. 18, 44. Въ „Cor Ardens" II ч. „Crux Florida", „Rosa in Cruce", „Солнце-Перстень", стр. 156, 129—141. Въ „Нѣжной Тайнѣ": „Сонъ" „Уходъ царя" и т. д.

VII.

По Иванову слово есть символъ, метафора; какъ таковой, оно — внутренне, и вырастаетъ изъ опыта произнесеній, молитвъ, какъ цвѣтокъ изъ земли; въ воображеніи возникаетъ оно воспоминаніемъ о событіи космической жизни, запечатлѣнномъ въ народѣ: миѳично оно; но сказаться нельзя въ ветхомъ словѣ: quaternio terminorum сопутствуетъ выявленію логической мысли; Новалисъ и Тютчевъ изъ глуби молчаній растятъ намъ цвѣты; и поэзія ихъ, *какъ сомнамбула подъ покровами ночи* слагаетъ свой знакъ нѣмоты: это—символъ, взрывающій воспоминанія въ насъ о событіи космической жизни, и въ немъ—зерно миѳа; искусство, основанное на символахъ, есть *символика* религіозныхъ реальностей; логику съ глубиной нѣмоты сочетаетъ она; здѣсь, въ символикѣ — вскрытіе слова и прорѣзь путей; здѣсь, въ метафорѣ, — созрѣваетъ младенческій миѳъ, прорѣзаясь сквозь коросты внѣшнихъ каноновъ эстетики и питаясь послушаньемъ поэта пути его жизни; индивидуумъ, разрывая со *внѣшнимъ канономъ* въ келейныхъ исканіяхъ ищетъ подхода къ внутренне всенароднымъ словамъ; міры символовъ—рудименты; они развиваются въ органы новой, сверкающей жизни, которой слѣды ощущаются въ миѳѣ уже; нынѣ вновь изживаемъ мы истину миѳовъ античности, гдѣ пока опочилъ новый творческій миѳъ; оттого-то въ „метафорѣ“, соединяющей образы ветхаго міра, восходитъ грядущее слово: *неологической* порослью; творчество словъ—выявленіе религіозной эпохи, въ насъ внутренне крѣпнущей [1]).

Составъ словъ его лирики опредѣляется взглядомъ поэта на слово.

VIII.

Плетясь, обвиваютъ „Прозрачность“, „Cor Ardens“ и „Кормчія Звѣзды“ неологизмы, какъ плющъ, соединеніемъ со словомъ „огонь“ [2]) изобилуетъ міръ прилагательныхъ; въ „Корм. Звѣздахъ“ это—метафора, сколоченная въ тяжеловѣсность гротеска: „Молотобойный“ иль „скрежетопильный“ [3]), какъ табуны носороговъ, гротески топочутъ отъ плоскогорія „Кормчьихъ Звѣздъ“; и—забѣгаютъ въ „Прозрач-

---

[1]) Сюда „По Звѣздамъ“, первый сборникъ статей: „*Копье Аѳины*“, стр. 43—53. *Двѣ стихіи въ современномъ символизмѣ*. „Поэтъ и чернь“, стр. 33—42. „*Предчувствія и предвѣстія*“, стр. 189—219. Сюда же „Борозды и межи“, второй сборникъ статей: „*Завѣты символизма*“, стр. 121, 122—124, 125, 127, 128, 129. „*Мысли о символизмѣ*“, стр. 154. Сюда же: *Эллинская религія страдающаго Бога*. Глава III-ья.

[2]) „Многочадный“, „Стопламенный“, „Огнецвѣтный“, „Пламенноствольный“, „Сребропламенный“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 115, 211, 140, 163 и т. д.

[3]) Сюда же „Прозрачность“. стр. 4. 7, 23, 65, 85, 61 и т. д. „Кормч. Звѣзды“ стр. 291, 296, 249, 300, 164, 176, 177, 183, 195, 201, 67 и т. д.

ность", встрѣчаясь въ сумеркахъ знойныхъ „Cor Ardens" [1]); гротески—искусственны: склеены механически; и въ стремленіи разломаться обратно на „день" и на „свѣтлый" (подобно кентавру) эпитетъ „днесвѣтлый" топочетъ по строчкѣ [2]).

Тяжелый, обломочный міръ представленій, лежащихъ недвижимымъ заторомъ изъ сочетанія двухъ существительныхъ („свѣта мощь", „чадо сферы"), — бугрясь ужасаетъ [3]) гротесками: „мироносными крилами" и „древле-страдальными" персями [4]); нагроможденіе двухъ существительныхъ оттого, что „титано-убійцы" хотятъ разломаться и стать лишь „титановъ убійцами" [5]).

На протяженіи всѣхъ лирическихъ книгъ проплавляетъ въ единство поэтъ свои дѣтища, напоминающія кентавровъ; въ процессѣ проплава сперва, не сливаясь, срастаются въ двоесловія, гармонично „звучащія" („крутобокіе паки") [6]) его неизящныя двоесловія; появляются однословія прилагательныхъ, вызывающихъ тонкія впечатлѣнія: „тугая борьба", или „красная тризна" [7]); они утопаютъ среди двоесловій сперва; и текутъ въ позднихъ книгахъ нѣжнѣйшими лепетами; этихъ лепетовъ болѣе всего въ „Нѣжной Тайнѣ"; появляются: неологизмы (какъ „дѣвій", „безнорый", „охладный" [8]) и необычныя сочетанья обычнаго слова („умильныя преломленія") [9]) и т. д.

Брызнувши, славянизмомъ, какъ „пря" и „кошница" [10]), словарь существительныхъ образуетъ заторы „нагорій", „прилукъ", „поимъ", „разлоговъ", „упрягъ" и „окрѣпъ" [11]); образуетъ заторы другъ съ другомъ „узилище міра" „зыкъ боя" [12])—заторы, черезъ которые ску-

[1]) Напримѣръ, „Круговратная ночь", „Крупнолистый листокъ", „Cor Ardens" I ч. стр. 12. 32.

[2]) „Кормч. Звѣзды", стр. 203.

[3]) Или: „Прагъ тьмы", „Прагъ виллъ", „Желчь потира", „Зовъ гибели", „Ртуть озеръ", „Перлы тучъ", „Мрежи росъ", „Молній пламенникъ", „Диѳирамбъ ногъ" „Кормч. Звѣзды", стр. 291, 249, 296, 300, 164, 176, 183, 195, 201, 67 и т. д.

[4]) „Кормч. Звѣзды", стр. 61, 48, 49.

[5]) „Кормч. Звѣзды".

[6]) Сюда, напримѣръ, „Мѣдно-стропильный храмъ", „Тонко-ствольная чаща", „Цвѣтоносная Гея", „Черноногій Мелампъ", „Чернокосмый буйтуръ" и т. д. „Корм. Звѣзды", стр. 47, 54, 110, 177, „Cor Ardens", I ч. стр. 78, 98 и т. д.

[7]) „Кормч. Звѣзды", стр. 54, 57.

[8]) „Нѣжная Тайна", „улыбчивый", „гиперборейскій", „укромный", „звончатый", и т. д. стр. 11, 16, 19 и т. д. Сюда, напримѣръ, „Прозрачность", стр. 76, „Cor Ardens" I ч. стр. 71, 103, 146, „Нѣжная Тайна", стр. 32 и т. д.

[9]) Сюда же „Подхолмныя змѣи", Ледяныя звѣзды", „Потусклыя мысли", „Желѣзная тризна", „Сладкая лазурь", и т. д. „Прозрачность", стр. 28, 30, 57, 76, „Cor Ardens" I ч. стр. 98, 99, 100, 131 и т. д. „Нѣжная Тайна", стр. 12, 19, 85 и т. д.

[10]) „Виссосъ", „дщерь", „храмина", „зерцало", „вертоградъ", „топъ", „прагъ", „мрежи", „дебрь", „парды", „гладъ", „млатъ", „персть", „выя" и т. д. „Кормч. Зв.", стр. 165, 170, 203, 206, 209, 211, 271, 291, 295, 297, 350, 296, 299, 300, 301, 311, 295, 43, 33, 132, 49, 96, 29 и т. д.

[11]) „Кормч. Звѣзды", стр. 5, 72, 74, 112, 167, 297, 306, 335 и т. д.

[12]) Сюда „Кормч. Звѣзды", стр. 47, 32, 52, 109, 123 и т. д.

дно текутъ „безглагольные“ глагольные ручейки, сдавливаемые плоскогорьями существительныхъ, не процвѣтающихъ образомъ; силу дѣйствія образа въ этомъ случаѣ возмѣщаетъ количествомъ образовъ нашъ ученый поэтъ: „день денницъ“, „небеса небесъ“, даже „око очей“ [1]); око очей равно „оку“; простѣйшее размноженіе образа не помогаетъ поэту; оно въ „Кормчихъ Звѣздахъ“ развѣ что „слава надстолбія“ („двусловіе“, употребленное имъ): то-есть оно—аллегорія на столбѣ.

Въ „Кормчихъ Звѣздахъ“ Ивановъ — поэтъ существительныхъ; ихъ количество превышаетъ количество употребленныхъ глаголовъ... разъ въ десять: типична строка для него „чадамъ боговъ посохъ изгнанья легокъ“, гдѣ нѣтъ намъ глагола и гдѣ четыре образа существительныхъ: „тучъ пожаръ—мракъ безднъ—и крылій снѣгъ“ въ существительныхъ окремнѣваетъ въ душѣ безглагольно: торчатъ плоскогоріемъ [2]); 14 существительныхъ, отягченныхъ 7-ью прилагательными и 2 отглагольными формами виснетъ на тоненькой нити глагола „пріяла“ въ длинѣйшимъ отрывкѣ: „На блѣдный ликъ“ подъ звѣзднымъ покрываломъ, утѣшнымъ такъ сіяючи лицомъ, даръ золотой: змѣю, хвостъ алчнымъ жаломъ язвящую, сомкнутую кольцомъ,—разлуки даръ, знакъ вѣчнаго начала съ торжественнымъ побѣдныхъ розъ вѣнцомъ“.—(Ликъ, покрываломъ, лицомъ, даръ, змѣю, хвостъ, жаломъ, кольцомъ, разлуки, даръ, знакъ, начала, розъ вѣнцомъ).

— Что?

— „Пріяла“...

Блѣднорѣчивы глаголы на всемъ протяженіи „Кормч. Звѣздъ“ въ слишкомъ явной тенденціи обернуться страдательной формой [1]); и часто абстрактны („являлъ“ иль „пріялъ“); они констатируютъ фактъ „существительнаго“ („своды сводятъ“); не проницая его динамизмомъ [3]); медлительны въ собственномъ видѣ: „грядетъ“ или „цвѣла“ [4]).

Пророкъ динамизма и музыкальнаго дѣйствія выступаетъ въ глаголахъ своихъ безъ единаго дѣйства; дородная муза его „Кормчихъ Звѣздъ“ возсѣдаетъ въ „бармахъ“, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, какъ въ тяжкихъ веригахъ. Пейзажи словесъ представляются: плоскогоріемъ существительныхъ, гдѣ прыгучія воды глаголовъ мелѣя лѣ-

---

[1]) Сюда „Кормч. Звѣзды“, стр. 65, 66, 126, 183 и т. д.

[2]) Сюда, напримѣръ, „Кормч. Звѣзды“, стр. 63, 67, 126, 185 и т. д.

„Пасомы цѣлями незримыми“, „язвимъ раскаяньемъ“, путиводимое „любовью“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 100, 109, 173 и т. д.

[3]) Сюда: „блѣдностью блѣднѣютъ“, громовикъ не громыхаетъ“, „когтьми когтитъ“, „клювомъ клюетъ“, „пламенѣются пламенники“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 54, 73, 80, 168, 169 и т. д.

[4]) „Благовѣстилъ“, „воспрянулъ“, „воскресилъ“, „разверзся“, „исполнь“, „вздвився“, „спрядаетъ“, „зиждетъ“, „браздитъ“, „смиренствуетъ“, „ліетъ“, „зритъ“ и т. д. „Кормч. Звѣзды“, стр. 295, 297, 296, 290, 167, 173, 183, 187 и т. д.

ниво текутъ; и—уходятъ подъ почву; всѣ безтѣнныя плоскости пейзажа, гдѣ облака нѣтъ, иззубчились скульптурою „*рудобурыхъ*“ холмовъ; въ собственномъ смыслѣ пейзажъ, какъ увидимъ мы, соотвѣтствуетъ явно пейзажу словесному. Такъ словесное творчество начато имъ.

IX.

Вскорѣ онъ развиваетъ ученіе о глагольности всякаго *предиката* сужденія: и вниманіе переносится—съ метафоры на глаголъ; мы присутствуемъ при удивительномъ зрѣлищѣ: при выступленьѣ глаголовъ „Прозрачности“ изъ своихъ узкихъ руслъ для потопленія существительныхъ континентовъ; глаголы тутъ—дѣйствуютъ; розы—„дышутъ“; и „шепчется“ боръ; весна *плететъ* „сѣти улыбокъ“; и „*дышутъ, и дрожатъ, и шепчутъ* луга“; такъ глагольная численность множится [1]); выспренность пропадаетъ; и мягкою гибкостью дышатъ они [2]) и влажнятъ существительное, которое испаряетъ, росѣя, воздушныя начертанія: „умиленія“, „окрыленья“, удоли и т. д. [3]).

Процвѣтаніе пейзажа и въ собственномъ смыслѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ процвѣтанію пейзажа словесъ (такъ всегда у Иванова); теперь слово „зеленый“ встрѣчается чаще; слово „зелень“, „зеленый“ на протяженіи всѣхъ трехсотъ шестидесяти страницъ „Кормчихъ Звѣздъ“ мною встрѣчено десять лишь разъ; я, воистину, здѣсь—средь кремнистыхъ сухихъ плоскогорій,—набралъ очень тощій букетикъ изъ чахлыхъ травинокъ; безъ травинки, безъ облачка въ кристаллическомъ, въ ослѣпительномъ небѣ проходятъ десятки страницъ; вдругъ—обиліе зелени, травъ [4]), излученій, паровъ: древо жизни—цвѣтетъ; и Дріада въ немъ кроется, покрывается небо то облакомъ зноя, то—мглою паровъ [5]).

Процвѣтаніе пейзажа изъ слова поэта о немъ, а процвѣтаніе слова изъ... процвѣтающей мысли поэта: о словѣ; съ тѣмъ же бѣлымъ мѣлкомъ передъ черной доской возникаетъ предъ нами опять

---

[1]) „*Ужасая, льстила* шаткими вѣсами“ (2 глагола, 1 сущ.). „*Таится близится и льнетъ, и льнетъ* луна“ (4 глагола, 1 сущ.). „Сердце *внемля ждало* (2 гл., 1 сущ.). и т. д. „Прозрачность“, стр. 52, 55, 56, 49, 71 и т. д.

[2]) „Теплится“, „улегчаетъ“, „зыблется“, „пьетъ очами“, „таится“, „огни занимаются“, „окрыляются“, „преображаются“, „манятъ“, „мрѣютъ“, „лучатся“, „ласкается озеро“ и т. д. „Прозрачность“, стр. 14, 23, 29, 47, 48, 135 и т. д.

[3]) „Прозрачность“, стр. 4, 5, 16, 27, 30, 41, 76, 80, 97, 35 и т. д:

[4]) „Пронзаютъ перегной мечи *стеблистыхъ* травъ, *зеленыя* сосенки“ „покрываютъ“, „*зеленые* склоны“; здѣсь сплетеніе вязовъ, а тамъ „луговины“, „ты павелики *запутала* тонкія въ чуткіе сны тростника“; и *руины* „покрыты плющемъ“; цвѣты всюду: „бѣлолистые тополя“, „лиліи“, „яблонь цвѣтъ“, „роза алая“ и „оливы“. „Прозрачность“, стр. 147, 36, 153, 41, 23—25, 4, 28, 32, 75, 69, 53, 75, 123, 53, 47 и т. д.

[5]) „Прозрачность“, стр. 61 65, и т. д.

Вячеславъ Ивановъ „профессоръ“; и доказавши словесную магію связи метафоръ со связью сужденій въ динамикѣ предиката,— спѣшитъ сѣсть за письменный столъ: провести in concreto заданіе творенія „миѳа“ метафорическихъ дѣйствъ въ контрапунктѣ глаголовъ уже не банальныхъ: они пролетаютъ крылатыми птицами; стайки ихъ пролетаютъ въ „Cor Ardens“. Свирѣлить [1]) по новому намъ [2]) [3]).

Проносится опьянѣніе хмелемъ Діониса: пьянятъ очи, желаніе, полнота, „пьянитъ нектаръ лазури“; пьянитъ сама „Вѣчность“ [4]).

Такъ легкая муза его „Нѣжной Тайны“ несется на крыльяхъ сіяющихъ птицъ; и разрѣшается многими дѣйствами; и выступаетъ въ глаголахъ своихъ нашъ ученый поэтъ, какъ пророкъ динамизма, Діониса и музыкальнаго дѣйствія.

X.

Вячеславу Иванову мы обязаны великолѣпнымъ трудомъ о религіи Діониса [5]); эрудиція оригинальнѣйшей мысли сверкаетъ зарницами фактовъ, бросающихъ отблескъ въ религію; основные вопросы религіи столкнуты имъ съ „Происхожденьемъ трагедіи“ Фридриха Ницше.

Вячеславъ Ивановъ подсматриваетъ бѣгъ изъ Фракіи въ Грецію „кроваваго“ Діониса; перебѣгаетъ по культамъ, какъ плющъ по деревьямъ, свѣтлѣя „кровавое“ божество; Аполлонъ отражаетъ набѣги и въ Дельфахъ слагается равновѣсіе между двумя боже-

---

[1]) „Cor Ardens“ I ч.

[2]) „Мужествовать“, „отронуть“, „осѣтить“, „измлѣть“, „звѣздить“, „росѣть“, „умиляться“, „трезвиться“, „смутьянить“, „еще окрылиться робѣло“ и т. д. „Cor Ardens“ I ч. стр. 14, 75, 120, 129, 130. „Нѣжная Тайна“, стр. 17, 22, 85 и т. д.

[3]) Вотъ сравнительная характеристика прилагательныхъ Вяч. Иванова „Кормч. Звѣздъ“, „огненосный“, „огнезарный“, „днесвѣтлый“, „древлестрадальный“, „мѣдностропильный“ и т. д. „Прозрачность“—„онѣмѣлый“, „опальный“, „страдальный“, „зеркальный“, „умильный“, „плавучій“ и т. д. „Cor Ardens“, I ч., здѣсь встрѣчаются двѣ линіи прилагательныхъ: а) сладкій, нѣмотный, сладимый, зазывный, утомный, истомный, усладный, узывный, б) отмстительный, душный, глухой, слѣпой, темный, нѣмой, мглистый, и т. д.; сочетаніе душной сладости съ отмстительной темнотой даетъ сладкій ядъ въ настроеньѣ эпитетовъ. „Нѣжная Тайна“: медлительный, темнолонный, тончайшій, широкошумный, недольній, укромный и т. д. „укромная грусть въ неостывшей грозѣ—лейтъ-мотивы въ прилагательныхъ. Вотъ глаголы по книгамъ: „Кормч. Звѣзды“ — пассивные, страдальные, глаголы, неокрыленные и давимые славянизмами; „Прозрачность“—все дѣйствія свѣта: лучить, осіявить, теплиться, заниматься, свѣтить, сіять, преображать и т. д.; „Cor Ardens“—двѣ линіи дѣйствій: а) млѣть, изнывать, „по тебѣ исчахнуть“, измлѣть, „любовью требовать“; б) нудить, безумѣть, дерзать, прекословить, смутьянить, вихриться, дыбиться и т. д. т.-е.—сочетанія дерзости въ сладкой истомѣ; „Нѣжная Тайна“—живописанья природы: звѣздить, сочетать, отронуть и т. д.

[4]) „Прозрачность“, стр. 56, 57, 62, 73, 123 и т. д.

[5]) „Эллинская религія страдающаго Бога“, печатавшаяся въ журналахъ „Новый Путь“ и „Вопросы жизни“ 1905 г.

ствами; Діонисъ, признаваясь народнымъ, Діонисъ торжественно вводится, какъ Всебогъ, въ элевзинскую церковь; и въ символахъ виноградной лозы, преломленія хлѣбовъ, причастія въ немъ начинаютъ звучать христіанскія ноты [1]).

Ивановъ вскрываетъ, что эсотерика эллинскихъ культовъ—узнаніе дѣйствія ихъ — въ Діонисовомъ культѣ [2]); приподымается самая тайна души человѣческой въ немъ [3]); приподымается мрачно-безвыходный фонъ человѣческой жизни; міръ души древнихъ эллиновъ выявилъ правду души [4]); чрезъ символику Крейцера, углубленную Келлеромъ, прояснились „двуликости" Діонисова культа, раскрытыя Велькеромъ; въ углубленьѣ орѳизма, связавшаго съ Ведами лейтъ-мотивъ Діониса („жрецъ, жертва — одно") мы выходимъ за грани обычнаго миѳа къ первоистокамъ трагедіи человѣческой личности, тонущей въ мракѣ безъ „бога"; Ницше понялъ источники Діонисовыхъ тайнъ [5]), но не проникъ въ глубину зарожденья источниковъ.

Здѣсь Ивановъ пытается преодолѣть мысли Ницше: въ Діонисовыхъ силахъ — просвѣты сѣдой старины религіозныхъ стихій, истекающихъ изъ раздвоенія „я" [6]) и садизма убійства [7]); за многоличіемъ „бога"—козла, быка, барса, змѣи, козы, рыбы,—ужасная данность, ревущая мракомъ на насъ; это она соединяла когда то тоскующихъ каннибаловъ въ безумныя общины [8]); изступленія, опьянѣнія, оргіи создаютъ намъ „бакхантовъ" (Козловъ); первоначально „бакханты" — внѣ „бога"; „богъ" — сонъ, ими созданный; Вакхъ—созданіе вакханалій [9]) несущихъ повѣтріе сумасшествій по городамъ древней Греціи [10]); „вакханаліи"— память о древней основѣ религіи безъ бога и плясокъ священнаго Топора; „Вакхъ"— безликій убійца и жертва [11]) живущій въ сердцахъ и исполненный сладострастной жестокостью; изъ почитанія мяса и крови, сліянной съ эксцессами чувственности, перерождались радѣнія „растерзателей" [12]), и—заплелись въ плющъ и хмель: Діонисъ расцвѣтвился побѣдами: зеленью душъ, соединенныхъ съ древомъ и послѣ смерти живущихъ въ произрастаніи цвѣтовъ и плодовъ; произошло соединеніе Діониса съ Деметрой [13]).

---

1) „Эл. рел. стр. бога" Главы: Діонисъ и эллинство. Діонисъ и христіанство.
2) „Эл. рел. стр. бога", гл. II.
3) „Эл. рел. стр. бога", гл. I.
4) „Эл. рел. стр. бога", гл. I.
5) „Эл. рел. стр. бога", гл. II.
6) „Эл. рел. стр. бога", гл. II.
7) „Эл. рел. стр. бога", гл. IV.
8) „Эл. рел. стр. бога", гл. V.
9) „Эл. рел. стр. бога", гл. I.
10) „Эл. рел. стр. бога", гл. III.
11) „Борозды и межи", Существо трагедіи, стр. 235—258.
12) „Эл. рел. стр. бога", гл. V. „Н. П." сент. 1904 г., стр. 59.
13) „Эл. рел. стр. бога", гл. V.

Въ углубленіи Ницше Ивановымъ „Діонисы"—внѣбожныя становленія перевоплощеній природы; они—лейтъ-мотивъ христіанства; сліяніе ихъ есть сліяніе элементовъ природы (земли, воды, воздуха) въ „Космосъ", который—огонь Аполлона[1]).

XI.

Свѣтъ и тьма (Аполлонъ, Діонисъ, Сердце, Солнце)—мотивы изысканной лирики (знаемъ а priori мы) явятъ точную метаморфозу изъ образовъ свѣта и тьмы, пересѣкающихъ лирику въ „гранныхъ кристалахъ", въ пейзажѣ природы Иванова свѣты, цвѣты и мраки въ распредѣленіи красочныхъ пятенъ являютъ борьбу Аполлона и Діониса; взглядъ на драму его атрофируетъ Аполлона (діалогъ) и расширяетъ хоръ зрителей; и казалось бы: въ діонисійскихъ разлившихся сумеркахъ пейзажа его будутъ намъ доминировать темныя, томныя краски, переходящія въ ночь.

Между тѣмъ въ „Кормчихъ Звѣздахъ", въ „Прозрачности"—блескъ и безоблачный день; атрофировавъ Аполлона въ статьяхъ, онъ его славословитъ въ пейзажахъ: чрезмѣрностью свѣта[2]).

Пробѣгая градацію взглядовъ Иванова по статьямъ за 14 лѣтъ, видимъ мы: отъ темнотнаго становленья, отъ „какъ" и примата динамики направляется онъ къ свѣту истины ставшей, статической („Res" религіи, онтологическій догматъ); отъ Гераклита, отъ Вагнера, Ницше идетъ онъ то къ истинѣ Августина, то къ истинѣ Православія; градація колоритовъ пейзажа его убываетъ: тутъ именно пейзажъ погружается въ мракъ[3]) и статистика блесковъ и свѣточей „Кормчихъ Звѣздъ" и „Прозрачности" намъ рисуетъ картину творимаго космоса красокъ и свѣточей[4]).

Доминируетъ блещущій свѣтъ, все усиливаясь преобладая надъ краскою словъ приблизительно втрое[5]); но этотъ свѣтъ не богатъ словаремъ: онъ блистаетъ абстрактно: „свѣтъ—свѣтитъ"—вотъ

---

1) „Эл. рел. стр. бога", гл. I.

2) Свѣта вдвое болѣе тьмы. Въ „Корм. Зв.", „Пр.", I ч. „Cor Ard." и въ „Нѣж. Тайна". Сумма образовъ, связанныхъ со свѣтомъ въ суммѣ словъ равна 945; сумма темныхъ же образовъ, связанныхъ съ суммою словъ, равна 568.

3) Отношеніе между свѣтомъ и тьмою есть „4" въ „Корм. Зв." и въ „Прозр." т.-е. $^1/_4$ пейзажа въ тѣняхъ и, $^3/_4$—въ свѣтѣ; отношеніе это въ Cor Ard. I ч. и въ „Нѣжной Тайнѣ"—$^1/_2$ т.-е. $^1/_2$ свѣта въ сумеречномъ освѣщеніи этихъ книгъ. Вотъ таблица соотношенія группы словъ свѣта (прозрачный, свѣтъ, свѣтить, свѣточи, ясный и т. д.) къ группѣ словъ мрака (мракъ, мгла, сумракъ и т. д.) по книгамъ:

	„Корм. Зв."	„Прозрач."	„Cor Ard." I ч.	„Нѣж. Тайна".
Свѣтъ......	104	116	67	23
Тьма.......	63	28	94	41

4) Вотъ статистика эта для „Корм. Зв." свѣтъ—104, блескъ—28, золото—50, серебро—19, бѣлоснѣжность—18, золото—10, драг. камни—18, снѣжное—20, огонь—29, мракъ—28, черное—10, тусклое—19.

5) На 450 словъ о блещущихъ свѣточахъ лишь 129 словъ выражающихъ спектральную краску.

что утверждаетъ словарь „Кормчихъ Звѣздъ“ [1]; и конкретнѣе свѣты „Прозрачности“, крѣпнущіе до образа появленія Аполлона [2].

Богъ его міра думъ—Діонисъ и Аполлонъ—міра лирики.

Сфера свѣта, излитаго метаморфозами пламеней въ красочный спектръ матеріальныхъ поверхностей, гдѣ доминируютъ синія и ало-рдяные тоны [3]—преобладаетъ; и земли, гдѣ корчутся спины холмовъ, или алыя лавы, или синія дали; въ великолѣпія зодчествъ [4] вырѣзываетъ изъ кремней стихотворецъ намъ основы синей земли и синитъ ея травы [5]; дополненія алому—нѣтъ, дополненія синему—нѣтъ; нѣтъ цвѣтовъ Діониса: и зеленью бѣденъ, какъ пурпуромъ, онъ; нѣтъ оранжевыхъ, розовыхъ, желтыхъ, лиловыхъ, голубоватыхъ тоновъ; синекрасныя росписи въ бѣлоблещущемъ свѣтѣ своей пестротой утомляютъ глаза; мраки—складки тѣней въ плоскогоріяхъ красокъ (лишь четверть поверхности); тѣневой Діонисъ умаляется въ краскахъ.

Пэонъ Аполлону звучитъ.

Въ первой части „Cor Ardens“ огромное измѣненіе: въ распредѣленіи свѣта; протянута жирная тѣнь: гаснутъ свѣточи [6]; много огня; проблѣдненіе бѣлыхъ поверхностей [7] выступаетъ неясно: во мглѣ, изъ которой, какъ призракъ Гекаты, глядятъ бѣльма пятенъ, поэтъ повторяетъ: „Слѣпой. Слѣпота“. Ядовитая нѣга [9] переплетаетъ со смертью любовь [8]; мглу онъ душитъ искусственно „добровонными“ розами сладострастнѣйшей мистики: „Въ Росаліи весеннія святителя Николы украсьте розой, клирику церковные престолы, обвейте розой посохи, пришельцы, богомольцы [10]). Украшеніе розой Св. Престола приводитъ поэта къ сравненію Таинства Причащенія съ измлѣніемъ томной невѣсты [11]). Rosarium

[1] Слова ясность, прозрачность, лучезарность и т. д. рѣдки.

[2] „Прозр.“, стр. 137.

[3] Вотъ суммы красокъ „Корм. Зв. и „Прозр.“: красное — 80, синее — 76, бѣлое—39, черное—29, зеленое—27, пурпуровое—11, желтое—10, голубое — 8, оранжевое—4, фіолетовое—3.

[4] Великолѣпна скульптура Ивановскихъ образовъ: „И крестъ на блѣдности озерной подъ рубищемъ сухихъ вѣнковъ напечатлѣетъ вырѣзъ черный“ или „этой церкви ветхій остовъ—испостившійся монахъ“, или „какъ вырѣзъ чащи... мгла по золоту“. „Нѣж. Тайна“ и „Cor Ard.“. II ч., стр. 194.

[5] „Синяя земля“, „синія скалы“, „синѣющія долины“, „лазурная Партенопея“, „синѣетъ листъ лозы“, „синій боръ“ и т. д. Сюда „Нѣж. Тайна“ стр. 116, „Прозрач.“ стр. 58, 75, „Cor Ard.“, I ч., стр. 159, 179, и т. д.

[6] Отношеніе свѣта къ тьмѣ въ „Корм. Зв.“ и „Прозрач.“ есть отношеніе 120 къ 90, а въ „Cor Ard.“, I ч., оно есть отношеніе 67 къ 94.

[7] Статистика бѣлаго по 4-мъ книгамъ лирики такова: „Cor Ard.“, I ч. — 46 бѣлыхъ образовъ; „Кормч. Зв.“—21 бѣлыхъ образовъ „Прозрачность“—18; „Нѣж. Тайна“—12.

[8] „Сбираетъ яды горькихъ нѣгъ“, „отстоенные яды“, „ядъ бѣсовствъ и корчъ“, „яды... доблесть волятъ явить“ и т. д. Cor Ard., I ч., стр. 93, 88, 187, 104 и т. д.

[9] „Cor Ard.“, II ч. Отдѣлъ: „Смерть и любовь.

[10] „Cor Ard“, II ч., стр. 117.

[11] „Cor Ard“, II ч., стр. 158.

искуственно озаренъ: изъ лазури исходятъ теперь голубоватые тоны, переходящіе въ зелень [1]), а изъ алости — пророзовѣнія зорь [2]); но избыточность розъ нездорова. Избытокъ розъ въ опочивальнѣ душной [3]) не нектаръ [4]), а—ядъ.

Свѣточъ угасъ въ синевѣ „Нѣжной Тайны": голубовато-зеленые тоны восходятъ; и — умаляется алость; не сине-красныя росписи на бѣло блещущемъ фонѣ встрѣчаютъ насъ здѣсь; голубовато-зеленые тоны поимые тьмою и грустью: Ватто оживаетъ; и „Embarquement", въ „Grande Nuit"—тема тристій Иванова, полная смутныхъ призывовъ къ діонисической тьмѣ; Діонисъ приближается грозами; молніей перепоясаны дали грустѣющей Тайны [5]); но въ это именно время философъ и мистикъ Ивановъ стоитъ передъ нами опредѣленнымъ поборникомъ онтологическихъ догматовъ; и надѣваетъ на темнолонную тьму своихъ чувствъ аполлонову маску.

XII.

Въ періодъ разлитія „ядовъ" эсотерическихъ мистикъ, Ивановъ второй, учитъ: древность немыслима внѣ преемственныхъ знаній о Богѣ; и къ общинѣ „маговъ" должны повернуться новаторы: новый миѳъ предисчисленъ; Корнелій Агриппа въ пятнадцатомъ вѣкѣ гласитъ о событіяхъ двадцатаго вѣка; и элексиры динамики жизни таятся въ нетлѣнномъ футлярѣ Онтологической Формы; законъ становленія—въ ней, а этапы возврата къ закону есть путь посвященія въ іерархію цѣнностей (a realibus ad realiora); дано, что религія — знанье Реала, который искусство копируетъ лишь въ матеріалѣ предметовъ; и правда о Богѣ передается изъ общины въ общину [6]); отъ мудреца къ мудрецу — по вѣкамъ и „что" всякой истины намъ первѣе, чѣмъ „какъ", ея правда—въ „догматахъ": въ нихъ уже данъ установленный строй іерархіи, истекшій отъ Бога.

Такъ учитъ Ивановъ... изъ тьмы пейзажей, переплетая со смертью любовь, и искусственно прыскаетъ изъ пульверизатора въ мглу Діониса струею „Уайтъ Розы"; и Діонисъ, вопреки всѣмъ словамъ его, грозами близится, напоминая ему его прежнія истины. Вотъ эти истины:

— „Богъ"—порожденіе Діонисовыхъ силъ въ человѣкѣ; онъ— „миѳъ" человѣка-вакханта, переживающаго ставшія истины пѣной чувственныхъ становленій [7]); въ Діонисовыхъ силахъ—трагедія; музыка—подоснова ея—волитъ къ дѣйству; и Моисей новой дра-

---

1) „Cor Ard.", II ч., стр. 102, 115, 123 173 и т. д.

2) „Cor Ard.", II ч., стр. 172, 179, 180, 116, 118.

3) „Cor Ard.", II ч., стр. 193.

4) „Cor Ard.", II ч., стр. 117, 107, 105, и т. д.

5) „Во мракѣ бѣлой огневицы переломилася стрѣла. „Нѣж. Тайна".

6) По звѣздамъ: стр. 311. И далѣе: Двѣ стихіи, стр. 247—290. „Борозды и межи". „Завѣты Символизма", стр. 141, 158 и т. д.

7) „Эллинская религія страдающаго бога.

мы простеръ изъ Байрета надъ драмой коверъ миѳотворчества; но и онъ не даетъ диѳирамба; опредѣляется соборностью хора герой; отрѣшеніе отъ среды убиваетъ театръ; все художество лишь моментъ жизни драмы; пока не родится изъ зрителей хоръ, драмы собственно нѣтъ; но протянется зрителю сцена, преображаяся въ общину, зритель взойдетъ по подмосткамъ на сцену, рождая изъ хора опять „Діониса-младенца“ и утопляя въ звучаніяхъ хора героевъ трагедіи Ибсена, разорвавшихъ реальную связь съ ихъ родившей средой; „Проза“ драматической современности Вячеслава Иванова вскрываетъ намъ въ чайньяхъ Ницше и Ибсена; Достоевскій предчуетъ грозу; и Толстой возникаетъ какъ кризисъ; въ сердцахъ копошатся уже Діонисовы ужасы; „Cogito“—нѣтъ; и утоплено „Sum“ въ Діонисовой безднѣ; мотивъ непріятія стараго міра—Сократова, Канто-Декартова—соединяетъ титановъ эпохи въ бунтующей общинѣ уединенныхъ келейниковъ: кельи будутъ распахнуты и бунтари (или „вакхи безъ Вакха“) соединятся для таинства богорожденій, радѣній, трагедія—будетъ [1]).

Это — отпрыски мыслей, произрастающихъ изъ его религіи Діониса, написанной имъ въ періодъ тяжкограннаго зодчества пѣсенъ „Кормч. Звѣзды“, гдѣ скульптура недвижимыхъ холмовъ минеральной природы являетъ намъ аполлоновы сине-красныя росписи на... бѣлоблещущемъ фонѣ, гдѣ нѣтъ ни травинки, облачка въ бѣлоблещущемъ этомъ и гранно разставленномъ мірѣ раздѣльныхъ и „ставшихъ навѣки“ стихій.

XIII.

Стихіи природы поэзіи изобилуютъ образомъ: зодчій ваяетъ лазурныя глыбы земель и гранитъ въ плоскогоріяхъ скалы—тіары [2]); кристаллы—основа природы его; сперва до бѣла раскаленный расплавъ („Преображались, корчась, въ плоскогорья и горбились холмовъ крутыя спины“) [3]) остывающій передъ нами горбинами и рогатыми гребнями [4]); думается, что и небо поэта—расплавъ, остывающій лалами [5]); и вода — минеральный расплавъ: „Изъ золотыхъ котловъ торжественной рѣкой... лію серебряные

---

[1]) „Борозды и межи“: существо трагедіи, стр. 235-258. Эстетическая норма театра, стр. 261 — 278. О Достоевскомъ стр. 127. Левъ Толстой и культура. „По звѣздамъ“: Предчувствія и предвѣстія, стр. 189—219. Вагнеръ и Діонисово дѣйство. Копье Аѳины, стр. 43—51. Кризисъ индивидуализма, стр. 131. Ты—еси. „Эллинская религія страдающаго бога“. Главы I и V.

[2]) Эта каменная глыба, какъ тіара возлегла. „Нѣж. Тайна“, стр. 22.

[3]) „Кормч. Зв.“, стр. 306.

[4]) „Прозрач.“, стр. 48; „Нѣж. Тайна“. стихотвореніе „Утесъ“ и т. д.

[5]) „День въ сіяющихъ расплавахъ“ „Cor Ard.“ I ч., стр. 75. „Въ бору“.—Лалы рдѣютъ и плавится мѣдь, стр. 131 и т. д.

сплавы“ [1]); богаты расплавы [2]) морей, „яхонтъ волнъ“ [3]) „свинецъ“ [4]) моря съ прекраснымъ отливомъ фольги и съ лазурными блесками зыби [5]); „фосфорическіе блески въ переливахъ безъ числа ткутъ живые арабески вкругъ подвижнаго весла“ [6]); прыгучія зыби мѣднаго моря красивы своимъ непочатымъ здоровьемъ (у Блока — больная вода).

Воздухъ, стынущій (какъ и все) перламутрами [7]), перлами тучъ [8]) и сквозящій перловою бездной, въ основѣ своей — густой, тяжкій; и — передушенный розами, смолами, нардами; огнь... — въ наиболѣе тонко духовной стихіи Хирамъ-Храмотворецъ — сраженъ (и огнемъ силенъ Блокъ); всѣ процессы свѣченія (свѣты) непламенны: или они мозаичны, иль явно разсудочны; а процессы горѣнія—яды и трепеты низменныхъ проявленій астрала.

Изъ пламени возстаютъ небеса по Лукрецію, Гераклиту, и— мистикамъ; пламень неба Иванова (astra его) возстаетъ изъ тѣлесныхъ объятій: „И въ дрожи тѣлъ слѣпыхъ и въ ощупи объятій животворящихъ силъ бѣжитъ астральный токъ [9]); языки огней неба—астральныя змѣи [10]); его небеса—матеріальная слѣпота: глядя вверхъ видитъ онъ — не духовное небо, а внутренніе процессы зрачка, покрытаго катарактомъ, какъ... амальгаммой; и — ставшаго зеркаломъ стража порока, возставшаго изъ глубины существа въ видѣ чудища: „Щетиной вздыбился горбатой и въ лѣсъ разлапый и лохматый взраститъ геенну красныхъ змѣй“ [11]).

Такъ огонь распадается на процессы горѣнья (геенну) и „мертвую свѣтлость“ [12]), на становленье и ставшее, на Cor Ardens и солнце.

XIV.

Вячеславъ Ивановъ пытается преодолѣть мысли Ницше на то, что въ основѣ трагедій — „братскій союзъ двухъ божествъ („діонисово-аполлоновскій геній) [13]) создавшій отчетливость аполлоновскихъ формъ въ прозву-

---

[1]) „Прозрач.“, стр. 97.
[2]) „Cor Ard.“, I ч., стр. 76.
[3]) „Кормч. Зв.“ стр. 210.
[4]) „Прозрач.“, стр. 77.
[5]) „Прозрач.“, стр. 77.
[6]) „Нѣж. Тайна“, стихотвореніе „Барка“.
[7]) „Кормч. Зв.“, стр. 154.
[8]) „Прозрач.“.
[9]) „Кормч. Зв.“.
[10]) „Cor Ard.“, I ч.
[11]) „Cor Ard.“, I ч.
[12]) „Гляжу я изъ дозора мертвой свѣтлости моей“, „Прозрач.“, стр. 144.
[13]) Ницше, „Происхожденіе трагедіи“, абзацъ пятый.

чавшемъ діалогѣ [1]). Но Ивановъ діалога мало коснулся, а въ „Танталѣ“, драмѣ своей, развоплощаетъ діалогъ онъ въ вихрь восклицаній и въ морокъ метафоръ; такъ вновь „діанисово-аполловскій“ геній становится: Критомъ и Фракіей въ Дельфахъ Иванова.

Раздѣлены два начала, сліянныя Ницше; упалъ Діонисъ въ свое прошлое; въ мертвую свѣтлость абстракцій упалъ Аполлонъ [2]). Ты покинулъ Діониса... Аполлонъ покинулъ тебя [3]). Теоретикъ Ивановъ расходится съ Ницше въ стремленіи вывести драму на площадь: то—грѣхъ Эврипида, смѣнившаго зрителемъ (демократическимъ хоромъ) героя по Ницше; въ стремленьѣ расширить театръ получаетъ отъ Ницше суровую отповѣдь онъ: „Въ отношеніи знакомой намъ... формѣ хора... Мы сочли бы за богохульство говорить о какомъ-то предчувствіи... народнаго представительства, хотя... нашлись люди, не испугавшіеся подобной хулы“ [4]).

Ницше понялъ Діониса: „Въ діонисическомъ опьянѣніи и мистическомъ самоуглубленіи, одинокій, гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ безумствующихъ и носящихся хоровъ, падаетъ онъ (трагическій поэтъ) и вотъ аполлоновскимъ воздѣйствіемъ сна ему открывается его собственное состояніе... въ символахъ и подобіи сновидѣнія [5]). Перефразируя по Ивановски Ницше, должны бы поправить мы Ницше „Въ діонисическомъ опьянѣньѣ, въ мистическомъ выхожденьѣ изъ „я“ соплетясь съ хороводомъ безумныхъ, носящихся хоровъ чинитъ свои оргіи онъ; діонисовой силой приподнятъ, онъ видитъ подобіемъ миѳа космическій смыслъ пережитій народной души; и о немъ учитъ онъ... въ отвлеченіяхъ Августиновой тезы. Межъ фразами—видитъ читатель—огромна дистанція.

Ницше вѣщаетъ: „Онъ... шествуетъ (трагикъ) восторженный и возвышенный, такимъ... онъ... видѣлъ... боговъ. Человѣкъ... уже болѣе не художникъ, онъ самъ сталъ художественнымъ произведеніемъ“ [6]). Самосознаніе не угасаетъ по Ницше; трагедія—въ гнозисѣ; но сноживъ по Ивановски фразу, отвѣтимъ опять-таки Ницше: „Онъ... скачетъ (подобно козлу) восхищенный, разорванный въ клочья; черезъ него гласятъ боги; онъ — медіумъ передающій пассивно пейзажи духовнаго міра другимъ“... Выростаетъ дистанція“. „Sum“, „ergo“ „cogito“—„топятся въ безднѣ“ [7]).

О ней сказалъ Ницше: „Мы имѣемъ въ виду огромную пропасть, которая отдѣляетъ Діониса грека отъ Діониса варвара“. Пропасть есть чистота Діониса у эллиновъ и „половая разнузданность“

---

[1]) Ницше, „Происх. траг.“.
[2]) Ницше, „Происх. траг.“, абз. 8.
[3]) Ницше, „Происх. траг.“, абз. 10.
[4]) Ницше, „Происх. траг.“, абз. 2.
[5]) Ницше, „Происх. траг.“, абз. 2.
[6]) Ницше, „Происх. траг.“.
[7]) „По звѣздамъ“. Ты еси.

діонисическихъ варваровъ; „тутъ спускалося съ цѣпи самое дикое звѣрство природы вплоть до... отвратительнаго смѣшенія сладострастія и жестокости, которое всегда представлялось мнѣ подлиннымъ напиткомъ вѣдьмы“ [1]).

Объ Эврипидѣ промолвился авторъ религіи Діониса: „воображеніе наше влечется за нимъ“ [2]). И промолвился Ницше: „Что тебѣ нужно было, преступный Эврипидъ, когда пытался принудить умирающаго (миѳъ)... къ рабской работѣ на пользу тебѣ... Ты былъ въ силахъ создать только подложную музыку“ [3]). Раздѣляя гармонію съ ритмомъ (это дѣлаютъ музыкальные модернисты, какъ Штраусъ), Ивановъ расходится съ Ницше во взглядахъ на музыку; и—не случайно конечно: гармонія сферы пейзажей его—не дуновеніе; и не восторгъ серафимовъ. Рисуетъ гармонію сферы намъ Гете: „Die Sonne tönt nach alter Weise im Brudersphären Wettgesang, und ihre vorgeschriebne Reise vollendet sie mit Donnergang“.

Гармонія эта есть „гласъ хлада тонка“.

По лирикѣ Вячеслава Иванова звуки гармоніи взнузданы скрежетопильными трубами и молотомъ барабана бьетъ систръ и безумный тимпанъ [4]), одичавъ [5]) разрываются въ грохотахъ мѣдноязычнаго гама; надъ всей оркестровкой огромный Иванъ (то Иванова колокольня въ Москвѣ) [7]) бьетъ въ огромный кимвалъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, спускающимся синекрасною росписью въ ясномъ, безтѣнномъ пространствѣ; и Эврипидовскимъ деѳирамбомъ, житейской расчетливой трезвостью строитъ Ивановъ свой міръ изъ тяжелыхъ расплавовъ въ союзѣ съ Сократомъ, разламывающимъ драматическій миѳъ; барабанно-трудные грохоты поздняго диѳирамба сломали единство крылатаго миѳа; предметъ и абстракція—части миѳической цѣльности.

Конкретности прядаютъ ритмами метафорфозы явленій; метаморфозу беретъ онъ внѣ ритма; и стынетъ единство его категоріей Канта; и множествомъ ставшихъ предметовъ разсыпана „всячность“; діонисическій паѳосъ Иванова есть становленіе миговъ, гдѣ Вѣчность похищена мигомъ, разорваннымъ... Вѣчностью 1) въ косность вещественной формы, остывшей изъ тяжкихъ расплавовъ (и зодчій Ивановъ ваяетъ лазурныя глыбы земель, ограняя кристалами небо) 2) въ недвижимость разсудочной формы, встающей надъ міромъ „рогатыхъ гребней“ и „столбовъ“ (какъ то столпная

---

[1]) Ницше. „Проис. Траг.“ Абзацъ 2-й.

[2]) „По звѣздамъ“, стр. 1.

[3]) Ницше, „Происх. Траг.“ Абзацъ 10-ый.

[4]) „Кормч. Звѣзды“, стр. 205.

[5]) „Прозрачность“, стр. 93.

[6]) „Cor Ardens“, I ч., стр. 127.

[7]) „И бьетъ въ кимвалъ большой Иванъ, ведя зыбучій станъ“. „Cor Ardens“, I ч., стр. 127.

пальма) [1]) „столбъ пальмы“ [2]) аллегорической прописью; Аполлонъ его міра двоится: гончарною формою и этикеткой надъ нею (символомъ...); на этикеткѣ же надписи: „Необходимый сущаго порядокъ“ [3]) и такъ далѣе.

А всеединство расколото (все [4]) и „единство“); его кореллаты (или множество [5]) формъ въ апперцепціи“) суть: „многобожіе“ идоловъ въ „безбожьѣ“ субъекта, простертаго категоріями (этикетками) къ идоламъ изъ... музейнаго купола [7]).

Ницше, вѣдая эллиновъ, ищетъ ключей къ объясненію драмы— въ душѣ у себя (О... познай себя); онъ работаетъ надъ путемъ посвященія въ „Я“, соединяя раздвоенность „я“; пѣсня, пѣтая имъ, дышитъ цѣльностью; эстетическій взглядъ его—скромность: молчащаго миста.

Сократически опознавъ „сократизмъ“, пресыщенный филологъ Ивановъ, разсудкомъ себя убѣдилъ въ необходимости „Діонисовой“ жизни, не проникнувъ ритмически въ жизнь стихій; онъ разслышалъ поэтому въ голосахъ „хлада тонка“ безконечныя сложности оркестровки; и уплотняя ея въ бренномъ образѣ звука, онъ насъ извѣщаетъ о грохотѣ „мѣдноязычнаго“ гама.

Путь Иванова—неизбѣженъ, разъ станемъ мы на точку зрѣнія Ницше; мы всѣ—лишь „сократики“; и воспріятіе нами стихіи Діониса ведетъ неизбѣжно сперва: къ осознанію сократизма въ себѣ; чрезъ трагедію крестную упраздненья въ себѣ ложной позы абстрактнаго знанія (и связанной съ ней сенсуальностью)—путь къ „христіанскому Діонису“, который возможенъ, загаданъ: не... здѣсь, не... теперь.

Съ Вячеславомъ Ивановымъ, „Фаустомъ“ нашего вѣка, у граней культуры сократиковъ мы, въ преддверіи новой культуры, стоимъ, уличаемы Вагнеромъ, спрятаннымъ въ насъ,—и убоги и наги; а кажется: мы развиваемъ „хвосты“ изреченій о томъ, что абстракція насъ утомила; не въ силахъ отдаться мы Духу Земли; и встрѣчаемъ его новымъ чувствомъ; не ищемъ мы встрѣчи на небѣ... въ пивномъ погребкѣ, гдѣ одинъ „сократическій человѣкъ“ (или Фаустъ) пытался заплавать въ сплошной мусикійской стихіи и—выхваченъ былъ изъ пространствъ; онъ схватился за бренные органы, ими накрылся; но эти органы чувствъ, спавъ, не служатъ нормально: „башлыкъ“ передъ мѣстомъ угасшаго глаза—не глазъ: катарактъ.

---

1) „Кормч Звѣзды“.

2) „Cor Ardens“, II.

3) „Се—Вѣчности Символъ“, „Кормч. Звѣзды“.

4) Сюда же „Пять нерадивыхъ дѣвъ—пять чувствъ“, „Cor Ardens“, I ч., стр. 60, или „Учитъ мудрая познанью причинъ“, „Корм. Звѣзды“, стр. 202.

5) „Въ храмѣ всебожья—все Богъ“, „Кормч. Звѣзды“, стр. 245. Сюда же: „Кор. Звѣзды“, стр. 242, 164, 35, 57, 27, 64, и т. д. „Прозрачность“, 73, 115, 22, 135, 100, 1, 71, 44, 123 и т. д.

6) „Кормч. Звѣзды“, стр. 209. „Прозрачность“, стр. 106. „Cor Ardens“ I ч. стр. 126.

7) „Внемлетъ духъ... стоустому, безбожникъ, многобожію“, „Прозрачность“.

XV.

Концепція Ницще есть „мигъ“, просіяніе драмы въ столѣтьяхъ; плѣненный концепціею Ницше, Ивановъ развертываетъ неразложимый въ исторіи мигъ просіявшихъ столѣтій въ perpetuum mobile линіи; и убѣгаетъ по линіи вспять: въ лабиринты; изъ лабиринтовъ глядятъ: не бакхантъ—каннибалъ; и не богъ Діонисъ—минотавръ, пожирающій мясо; миѳъ Ницше плотнится обиліемъ наблюденій надъ жизнью... бушменовъ и кафровъ, осуществляющихъ функціи первобытной души.

Въ гармонизаціи миѳа „трубой“ лексиконовъ и „барабанами“ данныхъ Эванса о критской культурѣ—сказался „сократикъ“; увы! историческое становленіе культовъ не есть высота становленія ихъ въ душѣ поздняго эллина. Преодолѣніе Ницше—вглубь, ввысь, ведетъ къ проведенію равенства межъ сладострастьемъ и таинствомъ [1]).

Лирикъ, укушенный варварскимъ Діонисомъ, принявшимъ личину змѣи [2]), умираетъ отъ ядовъ, переживаемыхъ нектаромъ [3]), причащеніе ядомъ [4]) являетъ „Cor Ardens“ какъ чашу со змѣемъ, ползущимъ оттуда; становится нектаръ напиткомъ, изготовляемымъ... вѣдьмою.

Хаосъ змѣй [5]) только морокъ отравленныхъ ощущеній подъ пологомъ діонисическихъ зноевъ [6]) внушаетъ влеченіе... къ отроку [7]) онъ; кровосмѣшеніе древнихъ нѣгъ создаетъ ликъ слѣпого—„Эдипа“. И ночь „слѣпота“—представляется темною кущей [8]) [9]) [10]);

---

1) „Чѣмъ нѣжнѣе устами къ жертвѣ нѣжной припадаю, тѣмъ чаша благовонная темнѣе: ни нѣгъ твоихъ, ни мукъ не разгадаю, хоть слышу боль... измлѣла ты, невѣста, въ темной мглѣ, желаньемъ устъ, въ которыхъ пламенѣетъ двуострый мечъ“. Стих. „Плоть и Кровь“. „Cor Ardens“, II ч., стр. 158.

2) „Колдовалъ я, волхвовалъ я, бога Вакха вызывалъ я“. „Cor Ardens“, I. ч. Эросъ, стр. 187. Сюда о змѣѣ: „Віясь ползешь передохнуть свой ядъ бѣсовствъ и порчъ“. „Cor Ardens“, I ч., стр. 91. „Взрастилъ Геену красныхъ змѣй“. „Cor Ardens“. I ч. Эросъ. Сюда же: Пр. стих. „Орфей“, или „Звѣзды—змѣи надъ Геей“ „Cor Ardens“, I ч., стр. 162. „Зевсъ“, I ч. Эросъ, стр. 101. Сюда же „Cor Ardens“, I ч., стр. 100.

3) „Чашу черноогненную раздѣли“. „Cor Ardens“, I ч., Эросъ, стр. 191.

4) „Cor Ardens“, I ч., стр. 188. Сюда же: „Сбираешь яды горькихъ нѣгъ“, „ядъ бѣсовскихъ порчъ“, „яды доблесть волятъ явить“, „зной отравный...“ „провидцы... низводятъ ядъ“, „звѣздный ядъ мнѣ показалъ, волхву“. Сюда же, „Cor Ardens“, I ч., стр. 93, 104, 187, 188, 89 и т. д.

5) „Взрастилъ геену красныхъ змѣй“.

6) „Cor Ardens“, I ч., стр. 188.

7) „Я вдали и я съ тобой незримый“, „Неотвратно на тебя гляжу я,—опускаю взоры, настигая“, „И сталъ одинъ другому—Мой. Молчи. Навѣки—мой“, Или „взоръ узывный, взоръ усталый, обрати въ нови ко мнѣ“. „Cor Ardens“, I ч., Эросъ. стр. 189 194 и т. д

8) „Увидитъ мать и слѣпъ въ кровосмѣшеньѣ древнихъ нѣгъ“ „Cor Ardens“, I ч., стр. 22. Или: „Триста тридцать три соблазна, шестьдесятъ и шесть объятій и шестьсотъ пріятій есть“. „Cor Ardens“, I ч.

9) „Ночь нѣмая, ночь слѣпая, ночь глухая“. „Cor Ardens“, I ч. Эросъ, стр. 196. Или: „Качая мглою, встаетъ Ничто“. „Cor Ardens“, I ч. „Путь въ Эммаусъ“.

10) „Впереніе, слѣпыхъ очей“, „слѣпого связня... дочь, слѣпое желаніе,

оккультистъ, весь увѣшанный странными знаками, силится онъ прозирать естество сквозь растущую ткань катаракта; и развиваетъ ученіе о res (катарактѣ); его разверзанія чувствъ, запрещенныя школой Востока, суть даръ созерцать... всѣ процессы своей физіологіи—ощупей себя самого: „И въ ощупи объятій животворящихъ силъ бѣжитъ астральный токъ" [2]); этотъ токъ—просто муть: но у него эта муть въ „Кормчихъ Звѣздахъ" есть „муть міровъ возможныхъ"; „муть міровъ"—не изъ Бога.

Но подвигъ, предпринятый имъ, и огроменъ, и цѣненъ: толковое изъясненіе ужасовъ кроваваго божества и сомнительной магіи взываетъ къ отданью себя всѣмъ стихіямъ въ насъ дремлющимъ подъ порогомъ сознанія; Вячеславъ Ивановъ возжаждавъ Ѳеурга, ошибочно и трагично въ себѣ создаетъ страстнаго мага, усиліемъ воли разъявъ свое „я" на два „я", изъ которыхъ одно улетаетъ въ холодныя дали абстракцій (висѣть тамъ и плакаться); въ тартаръ слетаетъ другое; и—двойники! — они борятся [3]). Августиновы догматы таютъ въ летающемъ „какъ"; діонисовы пляски остыли; „огонь" распадается и Ивановы—борются [4]). Третій Ивановъ встаетъ.

XVI.

Учитъ онъ, что экстазъ выявляетъ раздвоенность; Діонисъ,—какъ менада богъ двойственный; двойственный Достоевскій подъ маскою „я" умножаетъ свои двойники; все Ивановъ постигъ это, потому что онъ – гностикъ возжаждавшій упразднить въ себѣ „маску"; учитъ онъ, что томленіемъ къ истинѣ пламенѣетъ театръ; паѳосъ этики освѣтилъ Діониса орфической церкви, откуда протекъ онъ какъ Эросъ въ логической мысли Платона. И Эросъ есть Логосъ; мистеріи безъ пути жизни истины въ „я" — только сны. Діонисовъ экстазъ только Ева, рожденная въ таинствѣ сна изъ Адамовыхъ реберъ. „Служи духу истины я"—говоритъ онъ себѣ [5])

слѣпыя причины, зрачокъ въ ночи слѣпой дверь, какъ бѣльмо", „слѣпы мы на красоты явленій", „не видитъ видящій могъ взоръ" и т. д. „Cor Ardens", I ч., стр. 122 207, 191, 104, 99, 143, 118, 112 и т. д.

[1]) „Въ душномъ раѣ утомныхъ кущъ", „душный", „сладимый", „разомлѣлый" „утомный", „усладный", „истомный", „млѣетъ", „твоя судьба измлѣть". „Cor Ardens" I ч., стр. 188, 18, 78, 130, 188, 191, 13, 14, 112, 193, 212 и т. д.

[2]) „Co Ardens". I ч.

[3]) „Въ личинѣ „я" — не я". „Двойникъ я сущаго". „Душа скорбитъ съ собой единой разлучена", „Гдѣ я, гдѣ я", „По себѣ возолкалъ". „Тону въ неизмѣримость" и т. д. „Кормч. Звѣзды", стр. 344, 351 и т. д. „Прозрачность", стр. 13, 14, 17, 25, 92 и такъ далѣе.

[4]) „Cor Ardens", I ч., стр. 112.

[5]) „По звѣздамъ", „Ты еси", стр. 427, 432. Кризисъ индивидуализма, стр. 88—102. „Предчувствіе и предвѣстія". Сюда же: „Элл. рел. страдающаго бога". Глава „Діонисъ и эллинство". Сюда же: „Борозды и межи". „Сущность трагедіи", стр. 348. „О Достоевскомъ", стр. 40. „Эстетическая норма театра", стр. 263. Сюда же: „По звѣздамъ", „О веселомъ ремеслѣ", „Умномъ весельѣ".

Мечты о народѣ художникѣ и т. д.

Но „путь посвященья" абстрактенъ въ Ивановѣ — третьемъ: Ивановымъ первымъ тотъ путь упраздненъ; не изъясненьемъ себя занятъ онъ, систематикой фактовъ исторіи; тракты исторіи остаются не вскрытыми; остается не вскрытымъ экстазъ; и абстракція порожденная головой, пресловутая „всенародность" его, о которой такъ много имъ сказано. Спекуляція разсудочной мысли надъ тайнами групповыхъ вакханалій, до времени ширящихъ неокрѣпшее „я" въ тѣсномъ кругѣ радѣній и „я" разрывающихъ,—только рулады изъ словъ („все отзывный", „все-зрящій") среди гаммы стиховъ; и оттого то повисъ этотъ третій Ивановъ субъектомъ познанія Канта надъ масками непронизанной данности; и мотивы отчанья скепсиса—мощная нота удачнѣйшихъ пѣсенъ его.

Тайна Духа Земли въ Духѣ Тайны Христовой; но Фаустъ увидѣлъ здѣсь чудище, и свѣтильни сознанія не опустилъ въ подсознаніе (въ чашу, налитую масломъ), попавши въ объятія Вагнера:

Du gleichst dem Geist
Den du begreifst!

Вникая въ дневникъ его думъ, сочетающихъ „становленье" и „ставшее", хочется провести размышленіе о философахъ — номиналистахъ; философы номинализма, стоящіе съ необходимостью у границъ—они вращаются въ царствѣ... формъ... Если бы они вышли изъ царства... формъ, они бы пришли къ непрерывно движимой представляемости. ...И когда одинъ изъ нихъ... въ этомъ смыслѣ сталъ думать, то мало былъ понятъ онъ. Искажаютъ то, что писалъ Гете въ „Метаморфозѣ растеній", искажаютъ то, что назвалъ „перворастеніемъ" онъ... Съ понятіемъ „перворастеніе", „первозвѣрь" только тогда считаются правильно, когда ихъ мыслятъ въ подвижности. То же можно сказать о понятіи „всеединства"; внѣ движенія мысли оно распадается въ явную категорію Канта („единство") и въ Діониса... бушменовъ.

Ивановъ старается тщетно избѣгнуть невольнаго срыва и заключая союзъ съ Августиномъ, приходитъ къ своей онтологіи, предавая Діониса; тутъ подлежитъ онъ убійственной гносеологической критикѣ. Августиново ученіе о „res" раскрывается явственно въ ученіи Августина о знаніи; знаніе „res" признается зависимымъ отъ надъ-духовнаго знанія, которое интеллектуально—насквозь; и вскрывается въ истинахъ математики и божественной діалектики; діалектика вскрыта критически Кантомъ, а на истинахъ математики обосновала себя вся новѣйшая абстрактная мысль; такъ ученье о вещи до Канта связало себя съ Кантіанствомъ; и всѣ доказательства невозможности „вещи въ себѣ" неизбѣжно проходятъ по тракту реалистическаго символизма.

Концепція Августина расколота: ея часть, очищаясь логически, незамѣтно сливается съ номинализмомъ, другая ея половина—съ наивнѣйшей метаморфозой матеріализма отсталой науки и некрити-

ческой теологіи. Онтологія Вячеслава Иванова—фикція. Правъ философъ, гласящій: „Для философствующаго мало узко онтологическаго утвержденія... Это чувствовали, понимали, знали какъ Плотинъ такъ и Фихте" [1]. Номинализмъ, реализмъ—половинки расколотой мысли; и правъ Рудольфъ Штейнеръ, опредѣляя споръ „полуправдъ" въ афоризмѣ, ломающемъ мысли Иванова-гностика: „Реалисты не понимаютъ, что объективное есть идея; идеалисты же что объективна идея; развивъ эту мысль, утверждаетъ онъ: „субъективные" идеалисты разсудочно опредѣляютъ идею, а „объективные" реалисты лишь призракомъ реализируютъ міръ [2]. Августинова догма въ критической мысли двоится, а съ нею вмѣстѣ двоится ученіе Вячеслава Иванова о „мистической „res"; онъ разсудочно опредѣляетъ міры своей мистики; одновременно онъ субъективно реализируетъ ихъ, не понимая, что „объективное" „res" есть идея, что внѣ идеи „вещь"—шлакъ: трансцендентальный остатокъ, который во вскрытіяхъ новыхъ философовъ есть понятіе о предѣлѣ, иль... напросто: матеріальная вещь.

XVII.

Аполлонъ его міра есть ставшее „всеединство": огонь, намъ свѣтящій; и „становленіе" съ другой стороны: въ метаморфозѣ процессовъ горѣній. Становленіе его Діонисъ и „всебогъ" (все—единство). Разъ я въ два начала, Ивановъ опять возвращается къ замыслу: слить два начала; и подмѣняетъ сліяніе тиранніею одного надъ другимъ; Діониса глотаетъ его Аполлонъ; проглотивши раздваивается: на абстрактную категорію и матеріальное множество; соединеніе единства и множества—есть всеобщность (категорія третья количествъ въ таблицѣ у Канта). Глотаетъ его Діонисъ Аполлона; и проглотивши исходитъ въ рояхъ „субъективныхъ видѣній" и въ космосѣ тяжеловѣснаго музейнаго міра.

Аполлонъ не есть „бабочка" въ тяжкомъ Ивановскомъ мірѣ. Но свѣтами истины осѣняетъ, садяся на лобъ, аполлонова „бабочка" свѣта; ліясь брилліантами крылій, Ивановскій свѣтъ—нелетающій перлъ, за исключеніемъ одного лишь момента; моментъ изумителенъ; дышетъ тайнами эсотерической мистики онъ: три души, въ насъ живущихъ, какъ сестры (умъ, чувство и воля) встаютъ—треугольникомъ передъ младенцемъ, Орфеемъ духовно рожденнымъ: „Тише, тише, сестры-свѣты. Сестры—свѣты тихихъ лонъ! Ризой свѣтлой вы одѣты: близкій, близкій свѣтелъ онъ. Свѣтлыхъ дѣвъ тебѣ привѣты, свѣтлоризый Аполлонъ". Младенецъ—Орфей: „Въ мигъ роковой услышишь мой жертвенный завѣтъ: изъ волнъ встань свѣтъ". (Солнце всходитъ.) „Міръ—полнъ" [3].

[1] Б. Яковенко: „Что есть философія". Логосъ 1911—12 г. Книга вторая и третья.

[2] Статья—предисловіе къ тексту.

[3] „Прозрачность". „Орфей", стр. 138.

Всеединство на мигъ осуществилось конкретно: три сестры и младенецъ теперь образуютъ духовно конкретную цѣлостность, тайна, которой вскрывается опредѣленной духовной работой: работа трехъ душъ надъ „младенцемъ"—въ сліяніяхъ образующихъ ясныя ясли и—всолнечныхъ изліяніяхъ изъ яслей на... чувство, умъ... волю. Умъ: „Хочу я исполниться чистыми свѣтами далей вселенной" и т. д. Чувство: „Хочу соткать блеснувшій свѣтъ я съ томной тьмой" и т. д. Воля: „Хочу согрѣть я ткань души, хочу сгустить эѳиры жизни... Пускай они, себя творя собой, животворятъ себя [1]) и т. д.

Вмѣсто этой работы надъ свѣтомъ душевныя силы поэта кощунственно нападаютъ на свѣтъ: „Мы титаны. Онъ младенецъ. Вотъ онъ въ зеркало блеснулъ: въ ясномъ зеркалѣ за моремъ ликъ его, дѣлясь, блеснулъ! Мы подкрались, улучили полноты верховный мигъ, бога съ богомъ раздѣлили, растерзали вѣчный мигъ" [2]) Треугольникъ сестеръ разрывается. „Геліады" стенаютъ [3]) конкретно не взявшись за руки, не окружая „младенца" и духовное „я".

Не эвритмическое хожденіе по кругу соединившихся силъ, а радѣніе способностей, не подавшихъ другъ другу протянутыхъ рукъ—въ этомъ мѣстѣ.

И „мысль" отъ Востока, взирая на сумерки сердца, не видитъ сестры посерединѣ потухшей космической, солнечной сферы (отдѣлъ „Сердце-Солнце"— насквозь реториченъ): не знаетъ любви; глядя внизъ, подъ собой, она видитъ одну „глубь ночную"; на „глуби ночной" только зыбь двойника утверждаетъ она [4]) свѣтъ ея—несогрѣтый и стылый [5]).

Сестра же отъ юга переживаетъ толчки возбужденнаго сердца—физіологической пульсаціей сердца; не „импульсомъ" новой любви, согрѣвающей жизнь. Только „пульсомъ", но пульсъ—лишь темнотные топоты табуновъ вожделѣній.

А воля отъ Запада, бросивъ на югъ и востокъ свои взоры, теперь неестественно соединяетъ холодный разсудокъ... съ „алчбой": ритуаломъ сомнительной магіи; и—„страстный магъ" возникаетъ: „Въ... ритмѣ сладострастій, къ чашѣ огненныхъ познаній, припадай... чтобы собрать въ единой длани всѣ узлы" [7]). Страстный магъ въ головѣ начерталъ неестественный треугольникъ; и перенесъ его на темносиняго цвѣта бумагу; внутри треугольника онъ вписалъ верхъ зубчатой, высоко приподнятой башни (своей головы); и пейзажъ на бумагѣ наивнѣйшимъ образомъ озаглавилъ: „По звѣздамъ". Но эти „звѣзды" (двѣнадцать созвѣздій

---

[1]) Вольный переводъ изъ мистеріи-драмы Р. Штейнера. „У вратъ посвященія".
[2]) „Прозрачность", стр. 138.
[3]) „Прозрачность", стр. 130—132.
[4]) „Прозр.", стр. 145. „Глубь ночная смутно зыблетъ мой двойникъ".
[5]) „Тянусь изъ дозоря мертвой свѣтлости моей". „Прозр.", стр. 144.
[6]) „Cor Ardens".

среди которыхъ одно называется „Res“—другое же „Ens“) суть двѣнадцать лишь кантовыхъ категорій („реальность“ относится къ качествамъ, „сущность“ же есть категорія кантовыхъ „отношеній“). Страстный магъ начерталъ пламень сердца и этотъ пламень достойнѣйшимъ образомъ изобразилъ ему Сомовъ въ великолѣпномъ фронтисписѣ къ „Cor Ardens“ (соединенье обложекъ не есть путь „сердечнаго знанія“).

Словомъ—нѣтъ треугольника. Съ Сѣвера поднялся мефистофельскій голосъ „Куда... направится ватага“ [1]).

Три Иванова шествуютъ отъ развалинъ душевнаго храма... во мракъ лабиринтовъ.

XIX.

„Посвященіе“ не состоялось.

Но Вячеславъ Ивановъ трагедію свѣтлаго мига съ магической силою запечатлѣлъ въ ослѣпительномъ „Танталѣ“, драмѣ своей намъ сжимающей души; проходитъ слоновой костью увѣсистый триметръ, граня инкрустацией слово: и перлы утонченныхъ образовъ обсыпаютъ его; тяжеловѣсіе замысла и громада, покрытая мелкогранною работою, напоминаетъ слона, изукрашеннаго золототканной попоной, влекущаго шагъ черезъ площадь предъ взоромъ раджи; драматургъ, сытый роскошью, данной отъ Бога ему, похищаетъ на пирѣ боговъ свои горніе образы.

И гласитъ: о растерзаніи Вѣчности мигомъ, похитившимъ тайну напитка боговъ; пропѣтая де-Троа и Вольфрамомъ фонъ Эшенбахомъ легенда о Гралѣ оригинально мѣняется; здѣсь мистерія „Парсифаль“, омрачась, переходитъ въ трагедію, до которой способны возвыситься только крупные драматурги; „Граль“ представляется намъ оскверненнымъ Клингзоромъ; и послѣ разбитымъ на части; трагедія перенеслась здѣсь на небо; и—вмѣстѣ: очерчена драма души, созерцающей небо.

Она есть... Клингзоръ; она—Танталъ; и Вячеславъ Ивановъ—она же, укрытая миѳомъ; фантасмами древняго миѳа очерчена драма души: полубогъ, сытый даромъ боговъ, этотъ Танталъ на пирѣ боговъ похищаетъ свѣтлѣйшую чашу: „Съ высотъ святыхъ“, потироносецъ, нисхожу я въ міръ глубокій опьяненъ божественно, подъявъ высоко въ чашѣ свѣтлой страшный даръ рукою дерзновенной... О, мой полный мигъ“ [2]). Проглочена Вѣчность эгоистической самостью мига; пытается Танталъ въ подножіе пира толпы — своры миговъ—унизить Духъ жизни; и „табуны темныхъ чувствъ“ пробѣгаютъ по ризѣ, изотканной свѣтомъ: „И ты струя безсмертія, ты

---

[1]) „Прозрачность“.

[2]) „Сѣверные цвѣты“. Ассирійскіе Альманахи, IV. К-во „Скорпіонъ“ „Танталъ“ стр. 231.

амбросія, святая сила, что до днесь уста владыкъ поила жизнью...! Возведи рабовъ въ царей".

Для свершенія страшнаго дѣла зоветъ богоборецъ Сизифа, Иксіона (Вячеслава Иванова перваго и второго), не претворившихъ путей своей собственной жизни — въ жизнь неба: „Привѣтъ, пришельцы! Радуйтесь и пейте вы первины неба!" Сизифъ (или—первый Ивановъ): „Какимъ ты хмелемъ льстивымъ помутилъ мой духъ, волшебникъ хитрый". Иксіонъ (Ивановъ—второй): „Вращается ль сводъ? или самъ я верчусь колесомъ міровымъ? Властный волшебникъ волчкомъ вихревымъ закружилъ меня!" Танталъ (иль третій Ивановъ — Клингзоръ): „Я съ жертвой кровной, духъ пронзивъ, взошелъ на пиръ, неся въ объятьяхъ отчихъ сына малаго царямъ въ добычу... И привлекъ... Кронидъ его на лоно... Изъ длани сына чашу взявъ, я низошелъ" [1]).

Рожденнаго сына (исконное „я") онъ, подъемля одною рукою въ обители неба, другой — похищаетъ Грааль; и — бросаетъ своихъ двойниковъ, опоивши ихъ мистикой, въ небо, гдѣ въ нихъ разгорается... чувственность: облако обнимаетъ Иксіонъ, рождая Кентавра въ пылу любострастныхъ томленій къ... самой міродержицѣ Герѣ; Сизифъ—алчетъ молній; самъ Танталъ впадаетъ, томясь, въ оцѣпенѣнные сны; появляется низшее „я", порожденное Танталомъ; пользуясь оцѣпенѣніемъ Тантала („рокъ ты звалъ, о Танталъ!")— пользуясь оцѣпенѣніемъ „Бротеасъ" бросается къ чашѣ; и — вдребезги разбивая ее, онъ пронзается молніей; черныя тучи окутываютъ [2]) пейзажи души Вячеслава Иванова (Тантала) сладострастьемъ сомнительныхъ, магическихъ чувствъ напряженье... „Cor Ardens".

„Черезъ долгій промежутокъ времени въ глубокомъ мракѣ загорается огненное явленіе Гермеса [3]).

Гермесъ.

Проснися, Тартаръ!.. Иль паденье мощныхъ Трехъ отъ сновъ тебя не разбудило тяжкое?

Голосъ Тартара.

Кто полубоги?

Гермесъ.

Сынъ Зевсовъ, Танталъ... Царь Иксіонъ. Царь Сизифъ.

. . . .

Три Иванова (Треугольникъ)—низвержены! Треугольника нѣтъ! „Пелопсъ", въ духѣ рожденное „я", божествами не принято въ небо: отвержена жертва.

. . . .

[1]) „Танталъ", стр. 235, 236.
[2]) „Танталъ", стр. 243.
[3]) „Танталъ", стр 243.

Голосъ Иксіона.

...Я распятъ въ вихрѣ огневомъ.

Голосъ Сизифа.

...Скользитъ утесъ—
И рухнулъ.

Голосъ Иксіона.

Я мучусь, Танталъ!

Голосъ Сизифа.

Танталъ, стражду я!

(Во мракѣ становится различимымъ темное видѣніе висящаго въ воздухѣ Тантала. Обнимая руками, онъ поддерживаетъ нижній край огромной потухшей сферы.)

Танталъ.

Темной окаменѣвъ громадой,
Повисло тяжко,
Тебя подавивъ, твое темное солнце...

XX.

— „Темной окаменѣвъ громадой, повисло тяжко, тебя подавивъ, твое темное солнце"—вотъ что можно сказать Вячеславу Иванову, лирику, мистику, полиглотту-философу, разставаясь съ пятикнижіемъ лирики и съ трехкнижіемъ мудрѣйшихъ прогнозовъ въ грядущую эру. И это все говоритъ „діамантовый" Танталъ.

За одинъ „золотой треугольникъ" Ивановъ бы отдалъ величіе всѣхъ, имъ созданныхъ красотъ, но „треугольникъ сестеръ" имъ разорванъ: и внѣшніе знаки—не сущи.

И созерцая его:

— Какъ онъ тамъ повисаетъ (тончайшій изъ русскихъ поэтовъ, мудрѣйшій, быть можетъ, изъ насъ!) и поддерживаетъ края тухнущей сферы—

— мы видимъ Танталово дѣло! Два образа возстаютъ передъ нами: „младенецъ" и—Танталъ, сходящій съ небесъ, высоко поднимающій плоскую чашу и намъ восклицающій:

„Прозрачный міръ, блаженный міръ, безсмертный міръ".

Не правда: два міра имъ созданы; третій еще имъ не созданъ: міръ Воли.

Міры лучезарныхъ кристалловъ „Прозрачности", міръ упоеній блаженства „Cor Ardens", міръ мысли и чувства—міръ морока, если усиліемъ Воли не воплотить тѣ міры: міръ безсмертья отсюда.

Но „треугольника" нѣтъ; безъ него восклицаніе небо укравшаго Тантала—восклицаніе „доктора философіи Фауста: „Остановись ты,—мгновенье".

Остановивъ „становленіе“ вѣчнаго мига въ себѣ, онъ его превратилъ въ діамантовый камень; и Вѣчность отъ этого стала — perpetuum mobile; и Вячеславъ Ивановъ стенаетъ намъ гласомъ Иксіона, что „распятъ онъ въ вихрѣ“; „Вращается ль сводъ или самъ я верчусь колесомъ міровымъ?“ „Колесо міровое“—не Вѣчность, а... „вѣчное возвращеніе“; и Сизифомъ томится: „Утесъ“ — рухнулъ: „мигъ“ каменный—рушится. Оттого то его „полуночное солнце“ не солнце, а развѣ что... Иксіоново колесо; и оттого оно превращается въ тяжкокаменно рухнувшій Сизифовъ утесъ: „Темной окаменѣвъ громадой, повисло тяжко, тебя подавивъ, твое темное солнце“.

Потироносецъ, повѣшенный въ воздухѣ, онъ „стенаетъ“, согбенный подъ бременемъ павшей на шею ему „онтологической истины“— потухающей сферы: ее обнимая руками, онъ дрожитъ согбенный...—

— надъ голосомъ Тартара: „Бремя тяжко новыхъ сновъ“.

XXI.

Что сталось съ „младенцемъ“?

Младенецъ не умеръ; имагинаціи сна развернули предъ нимъ длинный свитокъ путей, изображающихъ путешествіе по загробному міру. Его тройники—„Вячеславы Ивановы“ (старшіе братья) нашептами овѣваютъ пейзажъ возникающихъ сновъ: смутный ужасъ встаетъ; и душа приникаетъ къ лозѣ придорожной, что „шепчется съ ужасомъ“; волна миражей, какъ смутные сны долгой ночи, застигла въ пути; возникаетъ за образомъ образъ, поднимается издали „Сфинксъ“ [1]) на прекрасныхъ Терцинахъ и крикнетъ ему: „Стигмы Сфинкса“ [2]); протянетъ геральдику знаковъ о Сердцѣ и Солнцѣ [3]), воздвигнетъ кристаллы огней („Огненосцы“), преслѣдуя въ снахъ, какъ лѣсной запѣвающій царь, и протягивая чрезъ туманъ свои руки: „Неволей иль волей, а будешь ты мой“. Это Кто-то изъ образовъ шепчетъ, напоминая „пити-пити-итити“ бреда князя Андрея [4]): „Повынуть жребіи, суды напророчены“ [5]).

„Пити-пити-итити“ появляется въ окнѣ старой готической башни во образѣ Неттесгеймскаго мужа: осаживать яды и „мути“ міровъ—на днѣ чаши „Въ ночи, когда со звѣздъ провидцы и поэты въ кристаллы вѣчныхъ формъ низводятъ тонкій ядъ, ихъ тайнодѣянья сообщницы—планеты—надъ міромъ спящимъ

[1]) См. „Кормч. Зв.“, стихотвор. „Сфинксъ“.

[2]) „Кормч. Зв.“, стих. „Сфинксъ“.

[3]) „Cor Ardens“, I ч., см. отдѣлъ „Сердце—Солнце“.

[4]) Толстой. „Война и Миръ“.

[5]) „Cor Ardens“, I ч., стр. 49—52.

ворожатъ. И въ дрожи тѣлъ слѣпыхъ, и въ ощупи объятій животворящихъ силъ бѣжитъ астральный токъ, и новая душа изъ хаоса объятій пускаетъ въ новый міръ ростокъ. И новая Душа прибоемъ поколѣній, подмывъ обрывы Тайнъ по знаку звѣздныхъ числъ, въ наслѣдьѣ творческомъ непонятыхъ велѣній, родной разгадываетъ смыслъ. И въ кельяхъ башенныхъ отстойныя яды преображаютъ плоть и претворяютъ кровь" и т. д. [1]).

Этотъ сонъ о Клингзорѣ, укравшемъ Грааль для кощунственныхъ, алхимическихъ опытовъ, отображается образомъ Доктора въ пламенной мантіи, произносящаго съ чашей въ рукѣ монологи („пити-итити") и все о томъ, что „измлѣнію" томной невѣсты [2]) подобно „прикосновеніе къ чашѣ; сонъ — ярче, осѣлъ новый міръ въ чашѣ съ ядомъ изъ ясныхъ кристалловъ,—тотъ міръ—

— гдѣ сонетъ, получившій законченность совершенства, блистаетъ закономъ пэона второго въ опаловой мути спондея, гдѣ зубцы существительныхъ, отлагаяся гексагональными призмами, источаютъ тончайшія струйки расплавленной мѣди (глагола), гдѣ строится зданіе ихъ сіяющихъ палочекъ; гдѣ гранится на „кретикѣ" небо...

— Сонъ длится: и Докторъ поитъ его ядомъ; въ глазахъ (приливая отравленной кровью) сіяетъ геральдика горельефной гирляндою золотощекихъ амуровъ барокко, сплетенныхъ съ небесными духами Style jesuite, гдѣ всѣ розы — розетки, которыя (объясняетъ учитель) суть образы тайнъ; и проходятъ капеллой, объясняя младенцу „Необходимый сущаго порядокъ", „явственны небесъ іерархіи", „молятъ истины Святыхъ Отцовъ соборы", „учитъ, мудрая, познанію причинъ" [3]). На столбахъ, или „славахъ надстолбій" великолѣпно изваяны: „пять неразивыхъ дѣвъ—пять чувствъ" [4]). Докторъ Фаустъ — Ивановъ—построилъ и сплелъ этотъ куполъ „вѣнкомъ изъ сонетовъ", поставивъ его на блистающихъ, мозаичныхъ колоннахъ, откуда свергаютъ стопламенность огневѣйныхъ пожаровъ пестрѣйшія жены: его „огненосицы"; мигъ—

— великолѣпія пятенъ снялись: огненосицы, не могущія тронуться съ мѣста, воздушно упрыгиваютъ тамъ спиралями блеска... въ Ничто.

XXII.

„Въ даль тихо плывущихъ чертоговъ уводитъ свѣтлая нить—та нить, что у тайныхъ пороговъ сестра мнѣ дала

[1]) „Cor Ardens", I ч., стр. 88.
[2]) „Cor Ardens", II ч., Rosarium, „Плоть и кровь".
[3]) „Кормч. Зв.", стр. 212, 344 и т. д.
[4]) „Cor Ardens", I ч., стр. 60.

хранить... И рѣя въ призракахъ зданій, кочуетъ душа, чутка къ призывамъ сквозныхъ свиданій за нитью живой „мотка“ [1]).

„Сестра“ охраняетъ младенца; пусть „три нерадивыя“ сестры покинули „ясныя ясли“: четвертая, соединившая ихъ — при младенцѣ; она-то плететъ нити свѣта, бросая ребенку свою просіявшую нить въ бездну мрака „Ивановыхъ“: „Хочу соткать блеснувшій свѣтъ я съ томной тьмой“...

И Вячеславъ Ивановъ можетъ намъ сказать стихомъ одной изъ мистерій Рудольфа Штейнера: „Verzaubert Weben meines eignen Wesen“ [2]). Расколдовать его можно (хоть... трудно).

„Пѣлось младенцу мечтанье? Но все я той пѣсни полнъ... Мнѣ снятся лучей трепетанье, шептанье угаданныхъ волнъ“ [3]). „Я видѣлъ ли въ грезѣ сонной, младенцемъ, живой узоръ,—сѣнь, тающей сѣти зеленой, съ ней жидкаго золота споръ“. Поученія „эсотерической“ мистики, произносимыя „магомъ“ Ивановымъ— только „мраморъ обвѣтренныхъ стѣнъ“ многообразныхъ трактатовъ, прочитанныхъ имъ, а не истина жизни: но — тамъ, въ незримомъ просторѣ, за мшистой оградой плитъ—я чую— на плиты море волной золотой палитъ... чуть шепчетъ, — не шепчетъ, дышитъ, и вспомнить, вспомнить велитъ — и знаки свѣтомъ пишетъ, и тайну родную сулитъ. Эту пѣсню разслышалъ и Фаустъ, склоненный надъ чашею съ ядомъ... въ пасхальную ночь.

XXXIII.

„Слѣпота“ Вячеслава Иванова — чувства его! — есть стѣна изъ Лемуровъ; какъ „во гробѣ своемъ“, въ Вячеславѣ Ивановѣ тихо возлегъ имъ рожденный младенецъ: онъ — куколка; вѣримъ: изъ „куколки“ вылетитъ бабочка Аполлонова свѣта. И „эпифанія“— неудачная „эпифанія“ стольких лѣтъ! — разрѣшится; и „яды“, разлитые имъ по „младенцу“, „младенца“ не тронутъ: „сестра“ — не допуститъ, „сестра“ — охранитъ.

А пока:—

— По просверленнымъ коридорамъ ветшающей пирамидной громады сбѣжались Лемуры въ квадратную комнату: въ грудь; и подступили къ саркофагу—пробившему самостно сердцу—снять крышку. Обстановка душевнодуховнаго быта его восьми книгъ, если снять съ нихъ покровъ, намъ явитъ: въ пескахъ — пирамиду съ пустою комнатою въ ней; посерединѣ ея—саркофагъ; подъ саркофагомъ — коричневѣетъ изсохшая мумія; положили папирусъ ей

---

[1]) „Cor Ardens“, I ч. „Пѣсни изъ лабиринта“.

[2]) R. Steiner, Пробужденіе души. (Четвертая драма-мистерія.)

[3]) „Cor Ardens“, I ч., стр. 68.

въ ноги; и то—„Книга Мертвыхъ“. Восьмикнижіе Вячеслава Иванова—„Книга мертвыхъ“ его—повѣствуетъ о странствіи подсудимой души по пространствамъ загробнаго міра.

Недоумѣнные лепеты дѣтскаго духа встаютъ въ этомъ мѣстѣ изъ „лирика“ Вячеслава Иванова: „Нищъ и свѣтелъ, прохожу я и пою; отдаю вамъ радость свѣтлую мою...“ Или: „Весело по цвѣтоносной Геѣ я иду невѣдомо куда“ [1]).

И оттого-то, судя здѣсь „Озириса“ Вячеслава Иванова, вѣримъ мы въ Горуса, все еще могущаго встать изъ-за мрамора стѣнъ прославляемой имъ культуры, уже упадающей въ грохотѣ пушекъ и ревѣ стихій.

---

[1]) „Кормч. Звѣзды“.